

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

- Въ Москвѣ безъ доставки. . . . 3 р. 50 к. с.
  - С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —
  - Съ пересылкою во все города. 5 » —
- За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонія въ Огородни-
кахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ЗАМОГИЛЬНАЯ НЕВѢСТА

Рассказъ Графа Е. Н. Толстаго.

Привѣтливая, любезная хозяйка, недавно овдовѣ-
шая, госпожа М...., обыкновенно проживающая зимой
въ Москвѣ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, принуж-
дена была по дѣламъ провести зиму въ своей Орлов-
ской деревнѣ верстахъ въ 3-хъ отъ уѣзднаго города. Къ
ней, по зимнимъ долгимъ вечерамъ, собирались окру-
жные сосѣди помѣщики, а также изъ города человѣка два-
три, въ томъ числѣ г-нъ Сабудѣевъ съ хорошенькой
своей женой. Общество, въ слѣдствіе особеннаго рѣд-
каго случая, сложилось весьма удачно, подъ благо-
виднымъ предзнаменованіемъ. Одна душа, одинъ взглядъ
на вещи, почти одинаковое образованіе, одно сосло-
віе.... Послѣ обѣда, вкуснаго и обильнаго, все вста-
вало изъ за стола, и переходило въ крайнюю, объ

Баринъ. Говорятъ тебѣ, пошелъ вонъ.

Татаринъ. Ну вотъ, баринъ, послѣднее слово. дай десять цалковыхъ.

Баринъ. Вонъ пошелъ, или я веду тебя выгнать.

Татаринъ. Ну, дашь девять цалковыхъ, а не то у йду.

Баринъ. Эй! человекъ! гони его вонъ.

Татаринъ. Ну, дай восемь цалковыхъ, пока я не ушелъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

(Замѣтки общественныя, литературныя и инныя)

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія.—Весенній праздникъ общества любителей садоводства.—Путешествіе по разнымъ странамъ свѣта.—Мой соотечественникъ и красавица.—Танцы.—Заключительное слово о весеннемъ праздникѣ.—Моя любовь къ искусству.—Театръ любителей драматическаго искусства.—«Лакей-стихоплетъ» и драма г. Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется.» — Г-жа Майкова.—Представленія въ антрактѣ: сраженіе въ корридорѣ и г. Горбуновъ на сценѣ.—Студенческой концертъ.—Лампа гаснеетъ и все темнѣетъ.

Ночь. Я сижу за своимъ рабочимъ столомъ, передо мной лежитъ тетрадь: это — дневникъ, въ который я записываю свои впечатлѣнія и наблюденія. Листы въ моемъ дневникѣ бѣлы, чисты и безмолвны, какъ бы ваюють чисты, бѣлы и безмолвны ничѣмъ неизмаранные листы писчей бумаги фабрики Говарда; но скоро всѣ эти листы, одинъ за другимъ, покроются полосками, которыя заговорятъ человѣческимъ языкомъ и вызовутъ въ человѣчествѣ или смѣхъ и хохотъ или грусть, слезы и рыданія. Да-съ! Сквозь эти полоски будутъ про-

биваться лучи весенняго солнца и согревать все, что только свѣжо, молодо и не утратило способности жить, чувствовать и мыслить; сквозь эти полоски раздастся чудная, исполненная любви и обаянія, пѣснь соловья, отъ которой радостно забьется всякое юное сердце, и заблагоухаетъ красавица роза; сквозь тѣже самыя полоски забьется тонкими струями и холодная вода и станетъ обвивать всѣ головы, имѣющія надобность въ освѣженіи, и въ тоже самое время высунется рука, до того проворная и длинная, что не ускользнуть отъ нея ни одному ослиному уху, какъ бы владѣлецъ послѣдняго ни стоялъ далеко и ни старался его спрятать: ловкая рука ухватитъ это ослиное ухо и, къ удивленію публики, вытянетъ его на показъ любопытныхъ и заставитъ всѣхъ смѣяться до слезъ. Далѣе... а далѣе выступать эти живыя полоски, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, и мнѣ нѣтъ надобности рассказывать, что будетъ далѣе.

Но странное дѣло!—съ полчаса я сижу передъ раскрытымъ листомъ дневника и листъ остается по прежнему чистъ и бѣлъ: ни одной полоски не видать на немъ. вмѣсто того, чтобы записывать впечатлѣнія и

наблюденія, накопившіяся за послѣднее время, я смотрю на свѣтъ лампы и на душѣ у меня становится какъ-то особенно хорошо, отрадно и тепло; свѣтъ лампы мгновенно переноситъ меня на *весенній праздникъ* любителей общества садоводства, гдѣ еще такъ недавно я былъ и гдѣ при ослѣпительномъ свѣтѣ электричества и неослѣпительномъ свѣтѣ калетовскихъ свѣчъ, глаза мои видѣли столько прекраснаго, а самъ я весь былъ точно въ лихорадкѣ, потому что холодъ на праздникъ весны былъ изрядный. Всѣ залы московскаго благороднаго собранія, точно сплюю какихъ чаръ превратились въ различные міры растительнаго царства и приняли видъ и названіе различныхъ временъ года. Въ одинъ вечеръ я успѣлъ переиспытать надежды и сладостное томленіе весны, любовь и блаженство лѣта, грустное разочарованіе осени и скуку и уныніе зимы; но при всемъ этомъ разнообразіи ощущеній и состояній, я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ ощущенія холода, которое овладѣло моимъ существомъ при входѣ на весенній праздникъ и не покидало во весь вечеръ. Въ одинъ вечеръ я совершилъ такое путешествіе, какого врядъ ли удастся совершить въ продолженіи цѣлаго года: я былъ и подъ тропиками, и вблизи сѣвернаго полюса, видѣлъ прекрасныя растенія юга и хладную природу сѣвера. Но гдѣ бы я ни былъ—подъ тропиками или на сѣверѣ—вездѣ чувствовалъ присутствіе зимы: меня страшно знобило. Тоже самое испытывали и другіе туристы, съ которыми я встрѣчался неоднократно въ этомъ волшебномъ путешествіи.—Я видѣлъ одного соотечественника, русскаго купца, съ которымъ въ одно время началъ путешествіе. Это былъ персоналъ почтенныхъ размѣровъ и съ признаками цвѣтущаго здоровья; лицо его представляло раскаленный красный шаръ, дыханіе котораго согрѣвало воздухъ на нѣсколько кубическихъ саженъ. Вотъ прекрасный человѣкъ, думалъ я, который обладаетъ всеми качествами, необходимыми для человѣка въ такомъ далекомъ путешествіи! И что же стало съ этимъ достойнымъ всякаго уваженія человѣкомъ? Когда я встрѣтилъ его, нѣсколько времени спустя, въ тропической странѣ и въ порывѣ радости кинулся къ нему, чтобы въ его атмосферѣ согрѣться отъ тропическаго холода, я былъ глубоко пораженъ: лицо моего соотечественника не имѣло уже подобія съ роскошнымъ шаромъ и дыханіе его было хладно. При взглядѣ, брошенномъ имъ на меня, онъ какъ будто угадалъ мое намѣреніе и только тяжело вздохнулъ. На сѣверѣ мы съ нимъ опять столкнулись.—И вы здѣсь,—сказалъ онъ:—я умираю отъ скуки! Господи, Владыко живота моего.... Продають здѣсь гдѣ нибудь водку? спросилъ онъ вдругъ меня съ отчаяніемъ во взорѣ и голосѣ.... Послѣ этого

я нигдѣ ужъ его больше не встрѣчалъ. Видѣлъ я и одну молодую туристку.... Боже, что это была за красавица! Высокая, стройная какъ аравійская пальма, прекрасная какъ утро весенняго дня, она казалась какимъ-то неземнымъ созданіемъ, передъ которымъ все земное должно было преклониться и принести самыя драгоценныя дары.... Я съ нѣмымъ благоговѣніемъ глядѣлъ на нее, и видѣлъ, какъ у ней

Дышала на устахъ улыбка,
Во взорѣ небо ликовало!...

И эту дивную красоту не пощадила жестокая природа! Когда я встрѣтилъ ее въ полярной странѣ, я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и чувства глубокой скорби: передо мной стояла блѣдная женщина, съ потухшими глазами и посинѣлыми губами, она, казалось, была совершенно безжизненна и холодна, какъ-та ледяная гора, на которую она глядѣла! Я глядѣлъ на нее и измышлялъ способы воскресить, оживить эту погубленную холодомъ красоту. Она отвела съ вершины ледяной горы свои потухшія, еще давно ли дивныя очи и возвела ихъ на меня; въ долгомъ ея взглядѣ, уставленномъ на меня, я прочиталъ и жалобу на несправедливость судьбы, и прощаніе съ жизнью, и мольбу объ этой такъ рано погубленной жизни.... Я заплакалъ.... Въ тропическомъ мірѣ я снова увидалъ ее. Но и тропическій міръ не согрѣлъ ее и она попрежнему оставалась блѣдна. Она замѣтила меня, узнала и грустная, едва только уловимая для глаза, улыбка озарила ея лицо, а короткій взглядъ, обращенный на меня, говорилъ о надеждѣ увидѣться за гробомъ. Только тогда, когда я увидѣлъ еще разъ ее въ большой залѣ, гдѣ, подъ звуки музыки оркестра Сакса, она неслась въ вихрѣ вальса съ какимъ-то высокимъ и красивымъ гвардейцемъ, я узналъ въ ней прежнюю красавицу, сіявшую радостью и счастіемъ.... Я долго стоялъ у колонны и глядѣлъ, какъ она танцевала, какъ улыбалась. О, если бы она такъ хотя одинъ разъ улыбнулась мнѣ! но она улыбалась только своему кавалеру, статному гвардейцу, и я оставался для нея невидимъ вмѣстѣ съ колоною, у которой я стоялъ.

Но не одна красавица была счастлива. Счастливы были и всѣ, кто только танцевалъ: они не ощущали того холода, который чувствовалъ я и всѣ, не принимавшіе участія въ благородной гимнастикѣ. Несмотря на вялость, съ которою дамы и кавалеры танцевали французскую кадрили, я могъ замѣтить по ихъ раскраснѣвшимъ лицамъ и поту, что всѣ они счастливы....

Говорить ли еще что о весеннемъ праздникѣ? Думаю, что довольно. Праздникъ былъ хорошъ и вполне соответствовалъ времени, Я слышалъ, какъ нѣкоторые

господа замѣчали, что «тропическій міръ» очень подгулялъ, а самый праздникъ вообще былъ плоховать.... Что касается до меня, то я остался совершенно доволенъ и ничуть не раскаявался, что заплатилъ два рубля за входъ на весенній праздникъ и двадцать копеекъ за сбереженіе своего пальто: то, что я видѣлъ и испыталъ на праздникѣ, право, стоитъ дороже. Я видѣлъ кромѣ цвѣтовъ и растений, красавицу и дорогаго соотечественника.... но я не стану говорить, что видѣлъ еще и перейду къ спектаклю любителей драматическаго искусства, на которомъ я недавно былъ и который заслуживаетъ вниманія по многимъ причинамъ.

Я люблю искусство, уважаю его представителей и питаю глубокую нѣжность къ его представительницамъ. Искусство! Да кто не любитъ его? Какой смертный, обладающій развитымъ умомъ, усомнится въ его образовательномъ значеніи въ исторіи человѣческаго развитія и дерзнетъ игнорировать его? Никто! Даже самые рьяные реалисты, а la Зайцевъ, Писаревъ и сотни юныхъ ихъ эпигоновъ, и тѣ чувствуютъ какую-то слабость къ искусству, хотя они эту слабость и стараются скрыть за крѣпкою броней реализма, я—не скрываюсь—тоже реалистъ и, могу завѣрить, реалистъ самаго крѣпкаго закала, но искусство, въ какомъ родѣ и видѣ оно только бы ни проявлялось, люблю и цѣлю: безъ искусства я не былъ тѣмъ, чѣмъ я есть, т. е. здоровымъ реалистомъ. Любовь къ искусству заставляетъ меня посѣщать театры, концерты, любительскіе спектакли и т. п. И чего я не отдамъ за удовлетвореніе этой благородной любви, какія жертвы не принесу передъ божественнымъ алтаремъ искусства! такъ, гуляя на Подновинскомъ, я замѣтилъ вблизи себя господина, искусство котораго состояло въ облюбованіи чужихъ кармановъ, и я, чтобы дать ему случай показать свое искусство, не припаялъ нужной предосторожности, и онъ вынулъ изъ моего кармана памятную книжку, — кромѣ памятной книжки въ моихъ карманахъ ничего не бываетъ, — вынулъ такъ незамѣтно и съ такимъ искусствомъ, что когда я хватился за карманъ и обернулся, чтобы поблагодарить артиста за его искусство и попросить возвратить мнѣ книжку, то его уже не было видно. — Но я хотѣлъ говорить не о карманныхъ артистахъ, а о спектаклѣ любителей драматическаго искусства, на которомъ я былъ недѣли двѣ назадъ.

Мнѣ очень понравился театръ любителей, уютность и комфортабельность его помѣщенія, устройство и красивая отдѣлка. Въ немъ, кромѣ зрительнаго зала и сцены, есть и прекрасное фойе, и коридоры съ богатыми зеркалами. Я глубоко признателенъ г. Секретареву за его заботливость и знаніе своего дѣла: не

обладай онъ этими похвальными качествами, не было бы у любителей драматическаго искусства такого удобнаго для своей артистической дѣятельности помѣщенія и мнѣ некому было бы выразить своей признательности. Для публики въ театрѣ г. Секретарева также есть удобство и одна очень важная выгода: публика, можетъ сидѣть въ самомъ легкомъ платьѣ, потому что температура въ зрительномъ залѣ равна температурѣ тѣхъ знаменитыхъ бань, въ которыхъ такъ любили париться древніе предки нынѣшнихъ Новгородцевъ и чѣмъ они славны въ русской исторіи... О небо! Что же это я дѣлаю: собираюсь говорить о спектаклѣ любителей и говорю о баняхъ Новгородцевъ?

Я сижу на мягкомъ стулѣ во второмъ ряду театра любителей; потъ градомъ льетъ съ моего чела и я обѣими руками держу платокъ, а глаза вперились въ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ: шелъ водевиль «Лакей-стихоплетъ.» Этотъ водевиль былъ такъ хорошъ и тяжеловѣсно-остроумень, что произвелъ на меня дѣйствіе равносильное удару дубины, если бы кто такимъ соблаговолилъ меня неожиданно почтить по головѣ: я старался себѣ дать отчетъ въ томъ, что видѣлъ и слышалъ, найти во всемъ этомъ хоть какой-нибудь смыслъ, и — увы! — кромѣ непроходимой дурасти, бессмысленныхъ фразъ и жалко-смѣшныхъ куплетцовъ ничего не нашелъ въ «Лакей-стихоплетѣ.» А публика хлопала и вызывала какого-то г. К., и тотъ выходилъ и раскланивался съ нею. Въ самомъ дѣлѣ не ударилъ ли кто меня дубиной по затылку, что я кромѣ нелѣпости не могъ ничего найти въ водевилѣ: въ противномъ случаѣ чѣмъ же объяснить себѣ громкіе аплодисменты и вызовъ г. К. Но самое выполненіе «Лакей-стихоплета» вполнѣ удовлетворило меня: оно не уронило достоинство водевиля и какъ нельзя больше гармонировало съ его содержаніемъ.

Представленіе драмы г. Островскаго, «Не такъ живи, какъ хочется,» мнѣ очень понравилось и, я думаю, оно понравилось бы и самому г. Островскому. Г. Котляревскій (псевдонимъ), въ роли Петра, такъ былъ страшно дикъ, отвратительно животенъ, что мой соседъ съ правой руки, человѣчекъ на видъ очень худенькій и повидимому очень робкій, не на шутку встревожился и хотѣлъ бѣжать, но я постарался успокоить его и онъ остался на мѣстѣ, плотно ухватясь обѣими руками за полу моего сюртука. Мнѣ казалось, что г. Котляревскій близко попялъ характеръ невзвужданной скотины-человѣка и роль Петра выполнилъ въ совершенствѣ. Г-жа Тресанова (псевдонимъ), въ роли жены Петра, играла съ чувствомъ и со смысломъ. Я видѣлъ въ ней нашу бѣдную русскую женщину, натуру любящую и привязанную къ своему

- Вы, батюшка, не сочинитель ли?
- Да, а что?
- Изобидѣли меня, батюшка, я благородная вдова; сочините мнѣ просьбицу въ двугривенный.
- А свидѣтели есть?
- Нѣту, батюшка.
- Ну, такъ надо еще косушку съ васъ, сударыня, тогда какъ разъ найдутся.

тирану-мужу,—женщину, которая, въ награду за свою любовь и привязанность, должна сносить тяжелый гнетъ окружающей среды и нечеловѣческія оскорбленія отъ бѣснующагося скота-мужа, и обреченную своей крестъ нести до могилы.... Да, такое явленіе и возможно только въ нашей родной жизни! Остальныя роли были исполнены также хорошо и я, вмѣстѣ со всею публикою, неистово хлопалъ и вызывалъ любителей и любительницъ драматическаго искусства, участвовавшихъ въ пьесѣ. Впечатлѣніе, полученное мною отъ сыгранной драмы, до того было сильно и глубоко, что когда я хотѣлъ анализировать характеры дѣйствующихъ лицъ, то со мной случилось тоже, что случилось и послѣ представленія водевиля «Лакей-стихоплетъ.»

О водевилѣ «Утка и стаканъ холодной воды,» изъ уваженія къ драматическому искусству, можно было бы и ничего не говорить, если бы въ роли Анны

Павловны не участвовала г-жа Майкова (псевдонимъ). Г-жа Майкова очень молодая и красивая дѣвушка—это я видѣлъ своими глазами; она принадлежитъ къ балетной труппѣ здѣшняго театра, страстно любитъ драматическое искусство, и желаетъ поступить на сцену малаго театра—это сообщилъ ужъ мнѣ робкій мой сосѣдъ, который, по окончаніи «Не такъ живи, какъ хочется», выпустилъ изъ своихъ рукъ полу моего сюртука и самымъ наилюбезнымъ образомъ велъ со мною разговоръ объ игрѣ любителей и о разныхъ предметахъ. Я видѣлъ разъ г-жу Майкову, также на любительскомъ спектаклѣ, въ комедіи г. Островскаго «Шутники»: она играла роль Вѣрочки. Ея игра была такъ проста, естественна и съ начала и до конца ведена была съ такимъ умомъ и тактомъ, что я тогда же восторженно привѣтствовалъ въ ней артистку съ задатками несомнѣннаго таланта. И вдругъ я встрѣчаю ее въ безцвѣтной и глухой роли Анны Павлов-

Самое лучшее лекарство от мигрени.

ны, въ какомъ-то тоже безцвѣтномъ и пустомъ воде-вилѣ «Утка и стаканъ холодной воды!» Я злился на г-жу Майкову и злился еще болѣе потому, что и въ этой роли она была хороша.

Антракты въ театрѣ любителей въ высшей степени интересны и замѣчательны не менѣе самой игры ихъ. Во время одного антракта происходило сраженіе, во время другаго—чтеніе разсказовъ изъ народной жизни и пр. Начало сраженія было положено въ самомъ театрѣ, по окончаніи драмы г. Островскаго, самое сраженіе происходило въ корридорѣ и окончено на выходѣ изъ театра. Поводомъ къ сраженію послужило слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ зрителей, во время представленія сильно хлопалъ и вызывалъ одного артиста, тогда какъ большинство публики шикало, чтобы вызываніемъ артиста не мѣшать ходу дѣйствія. Членъ любителей кружка, должно быть распорядитель, попросилъ зрителя, укротить свои восторги; тотъ отказался и продолжалъ съ большою силой хлопать и вызывать; членъ попросилъ его выйти, тотъ отказался. Тутъ дѣйствіе драмы окончилось и

началось дѣйствіе импровизованной траги-комедіи. Членъ толкнулъ зрителя по направленію къ двери; зритель полетѣлъ, но тотчасъ же оправился и ударилъ члена десницею по ладони. Тутъ все пришло въ движеніе и заволновалось, и зритель поспѣшилъ скрыться. Въ корридорѣ поднялась страшная суматоха и раздались сдержанные крики: «члена ударили!» «Куда онъ убѣжалъ?» «Не пускайте его!» Но зритель скоро вернулся самъ, потому что ему не выдали платья, а въ одномъ сюртукѣ онъ не заблагоразсудилъ отправиться на улицу, а предсталъ передъ толпой членовъ любителей и зрителей.

— Вы какое имѣли право, г. Н. ударить нашего члена? началъ допрашивать зрителя одинъ изъ членовъ.

— М. Г.,—отвѣчалъ нетвердо допрашиваемый:— не я началъ, а вашъ членъ.

— Неправда. Вы первый ударили его.

— Нѣтъ, я ударилъ его тогда, когда уже получалъ отъ него: я только на оскорбленіе отвѣтилъ ему оскорбленіемъ.

— Позвольте вамъ сказать, что вы начали первый,

вмѣшался другой членъ,—я былъ свидѣтелемъ начала этой сцены.

— А позвольте вамъ сказать, что я не знаю, что вы за птица и откуда вы вылетѣли,—отвѣтилъ г. Н.

Какой-то старичекъ, съ щетинистыми усами, съ таковыми же баками и съ генеральскимъ зачесомъ волосъ на головѣ, сталъ хлопотать о прекращеніи словопреній.

— Ну, перестаньте, перестаньте, господа! Г. Н! вы неприлично ведете себя...

Но тутъ вывернулся неизвѣстно гдѣ до этого скрывавшійся обиженный членъ и прямо наступилъ на своего врага.

— Такъ вы, г. Н. отказываетесь, что первый началъ исторію?

— Отказываюсь.

— Отказываетесь?

— Отказываюсь.

— Такъ вотъ вамъ! и членъ плюетъ въ лицо г. Н.

Чѣмъ все это кончилось бы, сказать положительно трудно, если бы не явился г. Горбуновъ и не разогналъ всей публики, приглашая ее идти въ театръ, гдѣ скоро поднимутъ занавѣсъ и онъ, г. Горбуновъ, начнетъ читать рассказы изъ народнаго быта. Только благодаря таланту г. Горбунова и его внушающему виду, публика и могла разойтись по своимъ мѣстамъ.

Я вошелъ въ зрительный залъ и занялъ свое мѣсто. Дѣйствительно, минуты черезъ двѣ, на сцену вышелъ г. Горбуновъ, и началъ рассказъ о мужикѣ, понавшемъ съ своимъ пріятелемъ въ Александрійскій театръ, на представленіе «Гамлета» Шекспира. Я въ первый разъ слышалъ г. Горбунова московскаго. Однако какой же это хорошій рассказчикъ, какимъ сильнымъ талантомъ онъ обладаетъ въ воспроизведеніи народнои жизни и какъ онъ вѣренъ дѣйствительности въ своемъ воспроизведеніи! Мужикъ рассказываетъ, какъ онъ забрался съ пріятелемъ въ рай театра, скинулъ тамъ отъ жара сапоги, передаетъ содержаніе трагедіи Шекспира и, увидя совершившееся убійство на сценѣ, со страха бѣжитъ изъ театра, забывъ даже и о своихъ сапогахъ. Народно и правдоподобно! Потомъ тотъ же мужикъ рассказываетъ, какъ онъ въ другой разъ былъ съ своей супружницей въ театрѣ, но на этотъ разъ уже не въ раѣ, а въ партерѣ, какъ его супружница, во время представленія г-жи Тальяновой, захотѣла не сходя съ мѣста выпить кваску, какъ онъ велѣлъ подать бутылку кислыхъ щей и какъ совѣтъ овалъ супружницѣ пальцемъ удерживать щей, когда онѣ изъ бутылки хлынули вверхъ. Можетъ ли быть что нибудь остроумнѣе, игривѣе и прелестнѣе подобнаго рассказа! Публика аплодировала

что есть мочи, сосѣдъ мой безпрестанно улыбался и заглядывалъ мнѣ въ лицо, а я только сидѣлъ, упорно глядѣлъ рассказчику въ глаза, рассматривалъ его лобъ и дивился необычайной силѣ таланта, которая слышалась въ каждой нотѣ рассказчика и сказывалась во всей его фигурѣ. Послѣ рассказа г. Горбунова мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить театръ любителей и ѣхать домой: развѣ я могъ чего ожидать выше послѣ г. Горбунова и предшествующаго его чтенію сраженія въ корридорѣ.

Я уѣхалъ, но при выходѣ я слышалъ такой разговоръ:

— Да, тебѣ и нечего было вмѣшиваться въ постороннее дѣло,—говорилъ господинъ среднихъ лѣтъ и достаточно раздавшійся во все стороны:—къ чему тебѣ было говорить, что ты видѣлъ начало скандала?

— Помилуй! Какже бы я не сказалъ того, что я видѣлъ, по моему, обязанность всякаго порядочнаго человѣка, говорилъ другой.

— Обязанность порядочнаго человѣка отойти и не говорить, что видѣлъ: и видѣлъ—не видалъ, и слышалъ—не слышалъ.

Теперь я буду говорить о концертѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ—я чувствую въ себѣ сильный притокъ краснорѣчія, который сдерживать не хочу. Второй студенческій концертъ привлекъ къ себѣ публики больше, чѣмъ первый концертъ. На этомъ концертѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ студентами—аристократами былъ поднесенъ г. Оле-Булю серебряный пюпитръ, вѣсомъ въ четыре фунта... Но что это? Кирасинъ догорѣлъ весь и моя лампа гаснетъ! Темно.

НЕСКАЖУСЯ.

АРАБЕСКИ

(изъ петербургской жизни.)

Весна у насъ или осень—рѣшить очень трудно, а весенній праздникъ мы все таки будемъ праздновать,—будетъ ли дождь, вѣтеръ, холодъ, а первое Мая мы гулять будемъ, и будемъ лицезрѣть голыя деревья, на которыхъ вмѣсто листьевъ будутъ пожалуй охлопья снѣга. Говорятъ, что и въ Москвѣ весна похожа на взбаломученное болото, новый романъ, который написалъ г. Писемскій и который съ будущаго года будетъ капитальною піесой Отечественныхъ записокъ взамѣнъ Трущобъ. Что еще передать москвичамъ о петербургской жизни? развѣ про рекламы магазина Кача и тому подобное въ родѣ продажи русскихъ полотень вмѣсто голландскихъ, объявленія о которыхъ замѣнили объявленія московскихъ врачей-спеціалистовъ,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.
 — С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —
 Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —
 За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонія въ Огородни-
 кахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ПРОЩАНІЕ

Ну простимся же мирно съ тобою,
 Дорогая подруга моя....
 Не наскучу тебѣ я слезою—
 Разучился и плакать—то я!

Дай мнѣ руку.... О Боже!... тебя—я
 Не забуду, повѣрь, никогда,
 Кое какъ въ тишинѣ доживая
 Невеселье эти года....

Ну—одинъ поцалуй—на прощанье!..
 Ну—еще.... Нѣтъ! довольно! Отвыкъ
 Я отъ сладкаго сердца страданья—
 И отъ счастья мгновеній святыхъ!

А. Комаровъ.

— Скотина-вучеръ! — сердито вскричалъ Андрей Ильичъ; — до сихъ поръ не озаботился починкой ресоръ въ коляскѣ!...

— Кажется, накрапываетъ дождикъ? — замѣтилъ, словно про себя, Андрей Лукичъ; что за скверное дѣло — осень!...

И. О. З.—нъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

Весеннія впечатлѣнія.—Мрачное настроеніе моего духа. — Г-жа Кукки.— Два рыцаря.— «Тайны сна и магнетизма» и «Милліонъ сновъ».—

Май. Хорошъ и прекрасенъ божій міръ въ этотъ торжественный праздникъ весны! На что ни взглянешь, все манитъ къ себѣ и ласкаетъ взоръ и слухъ: и голубое небо, съ плывущими группами бѣлыхъ облаковъ, и молодая зелень, покрывшая сады и бульвары, и чистый воздухъ, въ которомъ дерзко чирикаютъ воробьи, и всюду городовые въ черныхъ мундирахъ съ глянцомъ, не позволяющіе пьянымъ лежать посреди улицы, словомъ—вездѣ и во всемъ царитъ красота и гармонія. А съ высоты небесъ глядитъ солнце и заливаетъ своими ослѣпительными лучами всю землю и всякую на ней тварь, отъ чего еще краше становится природа и словно улыбается и говоритъ: «люди! глядите, какъ я хороша и радостна въ своемъ весеннемъ нарядѣ. Забудьте же и вы, нищіе и богачи, заботы свои и горе, и веселитесь со мной!» И кажется, что всѣ люди, послушные этому призыву, забываютъ все и кидаются въ объятія ликующей природы.

Только я, я одинъ остаюсь безчувственнымъ къ общей радости: внутри меня сидитъ мрачный демонъ, а передъ глазами виситъ сѣрая туча, похожая на скверную рогожу, за которою всѣ предметы видимаго міра представляются не въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ на самомъ дѣлѣ. Такое положеніе ужасно, и не дай Богъ, чтобъ въ него попалъ кто изъ читающихъ мой скромный дневникъ!... А теперь, теперь что стало со мною? Изъ окна своего кабинета я вижу купеческій садъ, съ зеленѣющими деревьями и куртинами; въ саду—бесѣдка, обтянутая парусиною, а рядомъ съ нею скамейка, на которой сидятъ счастливые обладатели сада—купецъ и купчиха. Она въ блузѣ и съ открытой головою, онъ—въ пиджакѣ и шляпѣ; она дама полная, онъ мужчина видный. Чета сидитъ и любитъ малютками, играющими на травѣ: вѣроятно, это счастливый плодъ ихъ супружеской жизни. Къ довершенію прелестной идилліи, по дорожкамъ медленной поступью разгуливаетъ курица, съ десяткомъ или двумя пушистыхъ цыплятъ. Я гляжу на эту кар-

тину, сердце во мнѣ начинаетъ радостно биться, и вдругъ—не грустно ли это?—оба семейства, купеческое и куриное, вмѣстѣ съ садомъ и бесѣдкою, превращаются въ большую пуховую перину! Дальше, какъ я ни стараюсь таращить глаза и немилосердо ихъ тру и закрываю, думая, что пуховая перина не больше какъ иллюзія, и снова открываю ихъ—и все-таки кромѣ перины ничего не вижу.—Вечеромъ иду въ большой театръ, чтобы посмотрѣть знаменитую гостью. Сажу въ креслѣ, кругомъ меня все почтенные люди, украшенные прекрасными лысынами; я сижу и гляжу, какъ г-жа Кукки изображаетъ ногами чудеса балетнаго искусства, а мнѣ представляется на сценѣ борьба изъ-за таланта знаменитой танцовщицы, происходящая между двумя рыцарями, въ которыхъ я узнаю литературныхъ дѣятелей: г. Пановскаго, славнаго фельетониста «Моск. Вѣдомостей,» и г. Москвича, отважнаго хроникера «Рус. Вѣдомостей.» Противники вооружены колоссальными перьями; изъ коихъ одно—у фельетониста, классической очинки, а другое—у хроникера, канцелярской очинки; г. Москвичъ сражается съ опущеннымъ забраломъ, а г. Пановскій—съ открытымъ лицомъ и въ золотыхъ очкахъ. Благородные рыцари не дѣлаютъ прямого нападенія другъ на друга, но каждый тычетъ перомъ въ бумагу и на ней выходятъ нѣкія слова, которыя и составляютъ борьбу. «Все, что исполняетъ артистка, отдѣлано до крайней оконченности,» выходитъ изъ подъ пера рыцаря въ очкахъ.—«Въ танцахъ ея (Кукки) черезъ чуръ много быстроты, поспѣшности; отъ этого нѣкоторыя движенія лишены округленности, граціи, а аттитюды весьма мало выразительны,» является на сѣромъ листикѣ у рыцаря съ опущеннымъ забраломъ.—«А въ тарантеллѣ она изумляла быстротою, точностью и, можно сказать, дерзостью свободы движеній,» продолжаетъ храбро первый рыцарь.—«Такъ тарантеллу второго дѣйствія г-жа Кукки оканчивала движеніями, болѣе свойственными канкану, нежели этому танцу,» не уступаетъ и второй рыцарь. Въ партерѣ обнаруживается нѣкоторое смятеніе и слышно тихое: «fi done!» Но раздается побѣдоносный ударъ г. Пановскаго: «я, не колеблясь, скажу, что г-жа Кукки принадлежитъ къ числу первоклассныхъ танцовщицъ Европы,» (*) и все измѣняется: свѣтъ лампы дѣлается сильнѣе, отъ чего прекрасныя лысыны становятся еще прекраснѣе, партеръ весь рукоплещетъ, на сцену влетаетъ г-жа Кукки, и съ обворожительною улыбкою благодаритъ фельетониста, при чемъ дѣлаетъ такой граціозный вниксенъ, что у маститаго рыцаря туманомъ подергиваются стекла въ очкахъ и самъ онъ превра-

(*) Зри «Совр. Лѣтопись,» № 14-й, и «Рус. Вѣдомости,» № 54-й.

щается въ сахарный леденецъ. Послѣ этого присты-
женный хроникеръ «Рус. Вѣдомостей» бѣжить за Москву
рѣку, съ жалобой въ редакцію, а фельетонистъ «Мос.
Вѣдомостей», принявши опять величавый свой образъ,
торопится скорѣе къ одной «милой дамѣ, чтобы за чай-
комъ поспорить съ нею о талантѣ г-жи Кукки.» (*)
Какой жадный и ненасытный этотъ г. Пановскій? ду-
маю я: мало ему одной побѣды, хочетъ одержать по-
бѣду еще и надъ «милой дамою.» Ну, конечно, одер-
жить!... «Кукки! Кукки! Кук-ки!» слышу кругомъ.
Смотрю: занавѣсъ опущены и партеръ вызываетъ г-жу
Кукки. Тутъ только я понялъ, что никакой борьбы на
сценѣ не происходило, что все это я недавно читалъ
въ двухъ газетахъ, и что на сценѣ шелъ одинъ ба-
летъ и царицею въ немъ была г-жа Кукки.... И такъ
я не видалъ ни антраша, ни аттитюдовъ, ни другихъ
прелестей г-жи Кукки, первоклассной танцовщицы Ев-
ропы! Ахъ, зачѣмъ я такъ усердно читалъ «Мос. Вѣ-
домости», и лучше было бы мнѣ вовсе не читать
фельетона г. Пановскаго и замѣтокъ г. Москвича! Съ
отчаяніемъ я вернулся домой и принялся за чтеніе
римскаго права. Вотъ, думаю, величавый памятникъ
римской цивилизаціи выведетъ меня изъ такого состо-
янія; передо мною возникнутъ различные институты,
каменная античность которыхъ заставитъ позабыть все
окружающее: съ такой сладкой надеждою я приступилъ
къ чтенію римскаго права. Но и классическіе форма-
ціи не спасли меня.

Нечего и говорить, что подобное состояніе грозитъ
желтымъ домомъ. Вполнѣ сознавая, какъ дорогъ я для
моего возлюбленнаго отечества, его умственнаго пре-
успѣянія и его славы, я не могъ безъ внутренняго
содроганія помыслить о томъ, что вмѣсто народныхъ
рукоплесканій, восторговъ и лавровъ, которыми, безъ
сомнѣнія, благодарные соотечественники увѣнчаютъ со-
временемъ мое чело, мнѣ грозитъ жилище покойнаго
Ивана Яковлевича. Это меня огорчало.—Лавроваго
вѣнка, сказалъ я на другой день, и досталъ съ эта-
жерки двѣ только что купленные новыя книги: «Тайны
сна и магнетизма,» сочиненіе д-ра Дебэ, и «Милліонъ
сновъ,» сочиненіе, принадлежащее разнымъ мудрецамъ
всѣхъ временъ и странъ. Освобожусь же отъ иллюзій
и галлюцинацій, ободрялъ я себя, раскрывая книгу
д-ра Дебэ, на страницѣ «объ обманѣ чувствъ.» Не
даромъ же такіе почтенные книгопродавцы, какъ гг.
Леденевъ и Козьма Шамовъ, у которыхъ я приобрѣлъ
вышеозначенныя книги, держать въ своихъ лавкахъ
подобныя сочиненія: они люди коммерческіе и въ ко-
роткое время успѣвшіе уже прославить всю Николь-

скую своими полезными изданіями. Но каково было
мое удивленіе, когда я прочелъ *толкованіе обмана
чувствъ* и узрѣлъ въ очію самого издателя! Почтен-
ный человѣкъ сидѣлъ за столомъ и пересчитывалъ
пачку кредитныхъ билетовъ; окончивъ свое занятіе,
онъ всталъ, улыбнулся и проговорилъ: «а пожалуй и
другое изданіе потребуется этого Дебэ! Славу Бгу,
по нашъ вѣкъ дураковъ хватить!» Не сонъ ли вижу?
воскликнулъ я, и схватилъ «Милліонъ сновъ.» Читаю.
И что же? Передо мной другой господинъ, который
всякому проходящему говорить въ лицо «дураки» и,
безъ зазрѣнія совѣсти и не стѣсняясь, вынимаетъ у
всѣхъ изъ кармана по полтиннику и хохочетъ всѣмъ
въ глаза. Я позвалъ своего личарду Ивана и велѣлъ
ему обѣ книги снести въ приличное для нихъ мѣсто...
въ помойную яму.

Едва мой добродѣтельный Иванъ исполнилъ возло-
женное на него порученіе,—и надо отдать ему честь—
исполнилъ доблестно,—какъ я почувствовалъ въ себѣ
обращеніе къ нормальному состоянію: хотя я и не
могъ еще сочувствовать красамъ природы, но вещи
стали мнѣ казаться въ настоящемъ своемъ видѣ. Что-
бы окончательно исцѣлиться, я накинулъ клокъ, взялъ
шляпу съ палкой и отправился на Тверской бульваръ.

Не скажуся.

(До слѣд. нумера).

БЕСѢДА О КОТЛОВСКОМЪ ЗАВОДѢ

— Да что это, батюшка Иванъ Ивановичъ, Кре-
стиковы съ своимъ сокровищемъ замолкли?

— Какъ замолкли! Дѣйствуютъ, голова, энергиче-
ски дѣйствуютъ! вотъ въ Апрѣлѣ, кажись, четвертые
торги были.

— Такъ-съ. Чѣмъ же-съ порѣшили-съ?

— Да вотъ въ Іюнѣ еще торги будутъ....

— Такъ-съ. А тамъ что же-съ?

— А тамъ—въ Августѣ назначуть.

— Такъ-съ. Да вѣдь и переторжка должна быть.
— Экой ты какой, голова, торопливый, дай сперва
на торги то кого нибудь *заманить*.

— Такъ-съ. Да неужели-съ никого не бываетъ?

— Какъ не бываетъ! вся директорія собирается....

— Такъ-съ. Да я все въ толкъ-съ не возьму, Иванъ
Ивановичъ.—собираются.... да что же они дѣлаютъ?

— Экой ты голова. Да развѣ директора когда что
дѣлали на Котловскомъ заводѣ? а теперь ужъ поздно,
не переродятся,—чѣмъ начали, тѣмъ и кончатъ....

— Такъ-съ. Да чѣмъ же-съ они начали?

— Чѣмъ начали? тѣмъ и начали, что околпачали,
да и теперь на ту же статью продолжаютъ. Вотъ хоть

(*) Зри въ томъ же № «Совр. Лѣтонисн.»

РАЗВЛАЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонявъ Огородни-
кавъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ОТЪѢЗДЪ ПАРОХОДА

Труба дымить. Народъ толпится

И ждетъ послѣдняго звонка.

Еще не пѣяется, не злится

Въ просторъ бѣгущая рѣка.

Мнѣ нетерпѣнье сердце жалить

И—устремивъ на волны взоръ,

Я мыслю: «скороль онъ отвалитъ

И понесется на просторъ?!»

А. Комаровъ.

ДО БАЛА

— Уйдемъ, уйдемъ Аннушка! она пожалуй убьетъ насъ: это сущій дьяволъ!...

НА БАЛѢ

— Посмотри, mon cher, какъ она мила! какая кротость во всѣхъ чертахъ: это воплощенный ангелъ!

МОЙ ДНЕВНИКЪ

Дѣвочка на тротуарѣ. — Тверской бульваръ. — Знакомыя лица. — Влюбленный юноша. — Семикъ въ Марьиной рошѣ. — Народныя удовольствія и развлеченія. — Пѣвцы и плясуны. — Заключение.

Быль осьмой часъ вечера. Москва оканчивала свои хлѣбныя дневныя занятія и торопилась отдохнуть на чистомъ воздухѣ, еще не успѣвшемъ напитаться пылью и всякого рода зловоніями; тротуарами, по направленію къ бульварамъ, шли мужчины, пестрѣли женскія шляпочки и тряслись юбочки. Вся улица, казалось, говорила о надеждахъ, любви и счастья: дамы и барышни обмѣнивались нѣжными взглядами и пріятными улыбками съ мужчинами, мастерицки весело щебетали съ знакомыми своими кавалерами, дворники и кучера вели сладкія рѣчи съ прачками и кухарками. Только въ Газетномъ переулкѣ, которымъ я проходилъ, уличная гармонія была нарушена однимъ диссонансомъ. У воротъ большого каменнаго дома сидѣла дѣвочка, лѣтъ четырнадцати и горько о чемъ-то плакала. Я остано-

вился. Въ это время изъ-за желѣзной рѣшетки воротъ показался дворникъ.

— Ты все сидишь еще тутъ, а? заговорилъ онъ, приближаясь къ плачущей дѣвочкѣ.

— Да мнѣ некуда идти, съ глухимъ отчаяніемъ въ голосъ и не совсѣмъ чисто по русски выговорила дѣвочка.

— А здѣсь те развѣ мѣсто? Ахъ ты, пехристь! Ступай, ступай, пока я тебя по шеямъ отсель не проводилъ,—и съ послѣднимъ словомъ дворникъ хотѣлъ было взять несчастную за плеча.

— Mein Gott! воскликнула по нѣмецки дѣвочка:— да куда же я пойду? прибавила она по-русски.

— Что это за дѣвушка? раздался позади меня дрожащій голосъ. Я обернулся. За мною стояла молодая женщина, довольно хорошо одѣтая, но безъ кринолина и даже безъ шиньона на головѣ. Она съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ глядѣла на привратника и безпріютную нѣмочку, что мнѣ за нее сдѣлалось больно: или

она больна, или не въ полномъ разумѣ,» подумалъ я.

Дворникъ отвѣчалъ на вопросъ барыни:

— Дѣвчонка-то эта? Она тутъ у одной мадамы жила, въ бѣлошвейкахъ,—и дворникъ показалъ рукою на заведеніе мадамы,—да видно что ни то напроказила, хозяйка и прогнала ее. Ну, она вотъ и сидитъ здѣсь второй день да вопить: дура, значить!

— За что же васъ прогнала хозяйка? спросила барыня у дѣвушки.

— Я очень тихо работаю, отвѣчала та, утирая худымъ рукавомъ платица хлынувшія слезы,—а хозяйка требуетъ скорой работы.... Скоро я не умѣю работать, не привыкла еще.... Она и прогнала меня къ роднымъ.

— Почему же вы не у нихъ?

— Я къ роднымъ боюсь идти. Я пришла вчера къ нимъ, а они избили меня и выгнали на улицу. «Если, сказали, ты не пойдешь мѣста, то лучше и глазъ не кажи: ты намъ не нужна; а придешь мы тебя убьемъ.»

— Пойдемте ко мнѣ, сказала барыня,—у меня вы почувуете, а завтра пойдете искать мѣста.

Дѣвчонка не поблагодарила ни однимъ словомъ барыню, а только взглянула на нее и молча пошла за нею.

— А должно и барыня-то эта дура, заключилъ вслухъ дворникъ,—всякую дрянъ на улицѣ подбираетъ.

Ну такъ и есть барыня не въ полномъ умѣ, рѣшилъ и я, но про себя и направляясь къ Тверскому бульвару,—дворникъ подтвердилъ это громко, а кому же лучше и знать московскихъ обывателей, какъ не дворникамъ съ полиціею?

Тверской бульваръ, съ начала и до конца, былъ покрытъ гуляющими. И кого тутъ не было: и мужчины въ форменномъ и партикулярномъ платьѣ, и дамы, принадлежащія къ высшему и среднему сословіямъ, и дамы, не принадлежащія ни къ какому сословію, и милыя дѣти всѣхъ возрастовъ и обоого пола! Около ресторана играла военная музыка, въ самомъ ресторанѣ пѣли тирольцы и посѣтителы пили водку и пиво, а кругомъ фонтана съ звонкимъ смѣхомъ рѣзались дѣти и стояли взрослые, слушая музыку и производя наблюденія надъ публикою вообще и надъ прекраснымъ поломъ въ особенности. Много я здѣсь увидѣлъ знакомыхъ лицъ и узналъ ихъ, какіе они есть, что окончательно убѣдило меня въ томъ, что періодъ иллюзій и галлюцинацій, который я недавно переживалъ, прошелъ окончательно. О, мой добродѣтельный и неустрашимый Иванъ! съ чувствомъ глубокой признательности вспомнилъ я о своемъ вѣрномъ личардѣ: какой награды достоинъ ты, великій мужъ, за свой доблестный подвигъ! Только благодаря твоему геройству, я узнаю сидящаго на скамейкѣ большой аллеи молодого человѣка, съ необыкновенно красивымъ лицомъ, окаймленнымъ пушистыми баканми, и съ pinsepeз на черномъ снуркѣ. Я встрѣчалъ этого красавца всюду, гдѣ только присутствуютъ интересныя барыни и милыя барышни; онъ вездѣ и всегда былъ одинаково хорошъ, мило веселъ и забавно шутивъ; отъ него всегда приходили въ восторгъ барыни и мучились умомъ барышни. Вотъ и теперь онъ сидитъ на скамейкѣ, на щекахъ его играетъ румянецъ, и чуть-чуть

насмѣшливая улыбка не сходитъ съ розовыхъ губъ, а все лицо такъ вотъ и готово сказать: ну есть-ли красивѣе меня кто другой молодой человѣкъ? И дѣйствительно, равныхъ по красотѣ этому кумиру всѣхъ нѣжныхъ и пламенныхъ сердецъ, я нигдѣ и никого не встрѣчалъ изъ людей. Только разъ, не помню на какой улицѣ Москвы, я видѣлъ на окнѣ парикмахера подобное красивое лицо.... Узналъ я и роскошныхъ дамъ, величественно прохаживающихся по бульвару, къ которымъ такъ примѣнимъ стихъ изъ одной сатиры Ювенала:

Красавицы въ плащахъ, съ истомой блѣдныхъ лицъ...

Не ошибся я и въ господинѣ съ благороднымъ лицомъ, не пропускающимъ ни одного публичнаго гулянья и присутствующаго въ различныхъ трактирахъ и ресторанахъ. Не смотря на представительную наружность сего господина и его благородное лицо, передъ которымъ я, такъ сказать, преклоняюсь, одинъ мой пріятель всякій разъ при встрѣчѣ съ нимъ чувствуетъ позывъ приложить свою руку къ благородному лицу этого господина. Не затерялась въ толпѣ отъ меня и та развалина, олицетворяемая пятидесятилѣтнею барынею, съ толстымъ слоемъ бѣлилъ и румянъ на морщинистомъ лицѣ, которая устремляетъ нѣжные взоры на мужчинъ и испускаетъ глубокіе вздохи при видѣ юношей.... Но тутъ я замѣтилъ юношу, съ бакенбардами золотистаго цвѣта, котэрый проходилъ мимо меня и напѣвалъ: «мечты мои, мечты.»

— Какія же это такія у васъ мечты, что вы о нихъ вслухъ думаете? полюбопытствовалъ я, дернувъ знакомаго юношу за пальто.

— Ахъ, это вы, сказалъ юноша и взялъ меня за руку.—Пойдемте со мною!

Я повиновался.

— Глядите, сказалъ юноша и показалъ мнѣ на пары,—вездѣ любовь, все дышитъ любовью, все говоритъ о любви....

— Неужели? изумился я, окидывая глазами кругомъ себя.

— Не смѣйтесь, съ тономъ укоризны произнесъ юноша,—вы не испытали чувства любви и потому вы не замѣтите ея проявленія. А я, я люблю самъ и для меня раскрыты всѣ человѣческія сердца!

Онъ говорилъ съ жаромъ, глаза его блестя и золотые баки такъ горѣли, что отъ нихъ стало палить мое лицо. Я постарался скрыться отъ пламеннаго любовника. Но черезъ полчаса я снова увидѣлъ его.

— Обманула, не пришла! воскликнулъ юноша, едва только увидѣвъ меня.

Меня тронула жалость.

— Кто не пришла? спросилъ я съ участіемъ.

— Она! Помните: перваго Мая въ Сокольникахъ.

Я сталъ припоминать первое Мая въ Сокольникахъ.

«Отравлена младая жизнь моя,»

запѣлъ вдругъ обманутый любовникъ и кинулся за хорошенькою модисткою, которая шла по боковой аллѣ.

Въ Семикъ, благодаря «Полицейскимъ Вѣдомостямъ», я узналъ, что въ Марьиной рошѣ *имѣетъ быть народное гулянье*. Признаюсь, я не очень жалею народныя гулянья, потому что на нихъ я не нахожу для своего ума той пищи, которую такъ богаты всѣ ари-

стократическія гулянья; но почтенная газета, въ которой я прочелъ утромъ о предстоящемъ гуляньѣ, побудила меня отправиться. Да, Семья въ Марьиной рошѣ чисто народный праздникъ. Едва я подъѣхалъ къ Лазаревскому кладбищу, какъ на меня пахнуло чисто русскимъ духомъ: на травѣ сидѣли лица и искалѣченные, жалобно прѣся на бѣдность и увѣче, вдали показались балаганы и палатки съ продажей водки, слышались звуки гарнизонной музыки и раздавался вокругъ народный говоръ. Здѣсь не было Beau monde, но катились на жирныхъ лошадяхъ, въ допотопныхъ каретахъ и коляскахъ, почтенные Титы Титычи Брусковы, съ ихъ дражайшими супругами и милыми дщерями; вмѣсто роскошныхъ камелей виднѣлись скромные цвѣтки изъ «Тишины» и «Русскаго пира.» Въ рошѣ, рядомъ съ кладбищемъ продавались пряники, орѣхи и другія народныя лакомства; показывался автоматъ, предсказывающій людямъ прошедшее и будущее счастье, кричалъ Петрушка, ревѣлъ медвѣдь, заключенный въ желѣзную клетку, и лежали два мертвыхъ крокодила: желающіе видѣть и слышать все это платили по гривеннику. Отъ народныхъ зрѣлищъ я направился въ ту сторону роши, гдѣ распивали чай. На каждомъ шагу меня осаждали хорошенькія самоварницы, съ предложеніемъ: «пожалуйте къ намъ, баринъ, чай кушать.» Я не могъ устоять противъ одной молоденькой самоварницы и сѣлъ у ней «чаю пакушаться». Вокругъ меня за другими столами, помѣщались купеческія семейства, молодые приказчики мастеровые и разные господа.—Два господина, въ высокихъ шляпахъ, позвали шарманку. Молоденькая дѣвушка, вертя органомъ, пѣла надтреснутымъ голоскомъ: «куда ты, ангель мой, стремишься». Господа слушали, наклоняли головы и слегка подтягивали.

— Другую начинай, сказала одинъ изъ нихъ.

Дѣвушка запѣла другую пѣсню. Я глядѣлъ то на пѣвицу, то на усаждающихъ ея пѣніемъ господъ. Тотъ, который заставилъ дѣвучку пѣть другую пѣсню, оборотился ко мнѣ.

— Что, братъ, глядишь въ очки-то? Мы пьяны,— вотъ что увидишь! Гляди, гляди, мы этому не станемъ препятствовать: мы веселимся...

А пѣвица такъ-то ли жалобно пѣла:

А я горькая, не-сча-стная
Все страдаю по ми-ломъ!

Моя хорошенькая самоварница подавившая въ то время чайный приборъ, глубоко вздохнула.

— О чемъ вы такъ вздохнули? осмѣлился я спросить у нея.

— Ахъ, баринъ,—сказала она:—пѣсня-то эта ужъ очень чувствительна!

Передъ столомъ, завятымъ какими-то мастеровыми, четверо татаръ играли на скрипкахъ, барабанѣ и пѣли:

Мамынька, мамынька,
Назови мнѣ писаря,
Писаря корошаго,
Голова расчесона,
Мамадами мазана, и пр.

— Ахъ, собаки! одобрительно восклицали собесѣдники.

По окончаніи пѣснн, татары стали плясать, не переставая впрочемъ играть на своихъ инструментахъ: сначала плясали по одному, а потомъ все вмѣстѣ. Одинъ изъ сидящихъ за столомъ не утерпѣлъ, выско- чилъ изъ за стола и самъ пустился въ присядку.

— Молодца, молодца! хвалили въ свою очередь мастерового татары:—карашо пляшешь.

— Карашо! передразнилъ ихъ мастеровый:—нешто вамъ, свиное ухо, русскій уступить? Ни въ жисть! Русскій умреть, а ужъ не уступить. Гляди, што я покажу еще, играй!

А позади меня раздавалась еще пѣсня:

Истопи мнѣ банюшку,
Позови мнѣ Ваюшку.

— Маша, что ты больно глядишь въ ту сторону? спрашивала по собесѣдству со мною купчиха у своей дочери.

— Я такъ смотрю, маменька,—отвѣчала дочь.

— То то такъ! Ты не очень у меня на этого ха- холя-то гляди, а то знаешь?...

— Ужъ вы вездѣ, маменька, съ своими угрозами! упрекнула дочь.

Къ столамъ постоянно подходили нѣщѣ.

— Батюшки, просила старуха у мастеровыхъ, — подайте ради Христа!

— Подите, матушка, съ богачей по лучайте, а то, мы и сами ничего не имѣемъ, вмѣсто Христовой милостыни получила старуха.

Я позвалъ самоварницу и расплатился съ нею.

Долго послѣ этого я гулялъ по Марьиной рошѣ, но пьяныхъ въ полномъ видѣ нагдѣ полги не видалъ. Только какой-то горемыка, съ полуштофомъ въ одной рукѣ, подъ звуки шарманки танцовалъ какой-то импровизованный танецъ, да кучки мужичковъ, сидя подъ березкою, напѣвали:

Не миль—не миль бѣ-лый свѣтъ.

Ну чтоже еще сказать о народномъ гуляньѣ? Кажется довольно.

Нескажуся.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Отъѣздъ парохода Стих: А. Комарова.
Маленькое недоразумѣніе. С. Н. Федорова.
Письмо Нижегородской Ярмарки.
Изгон. М. П.
Мой дневникъ. Нескажуся.
Стороннее объявленіе.
Рисунки.

Редакторъ Ф. МЮЛЛЕРЪ

РАЗВЯЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
кахъ, на Покровскъ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

III

Николай Антоновичъ всегда щедро подавалъ нищимъ милостыню. Почти каждодневно бывая въ церкви за службами, онъ ни одного раза не уѣзжалъ домой безъ того, чтобы не одѣлать пятаками и гривнами, а въ праздники и болѣе цѣнными монетами, всѣхъ безъ исключенія нищихъ. Поэтому, около *его* церкви въ часы каждой службы постоянно толпилось множество нищихъ, ожидающихъ отъ щедрости *добраго человека*, непремѣнной милостыни, какъ заслуженной или заработанной платы. Щетинъ, какъ человекъ, не любившій безтолково бросать деньги ни въ какомъ случаѣ, соблю-

— Что-жь ты сорь-то не убралъ?

— Для-ча убирать? Ужотка вѣтеръ поднимется—все разнесетъ .

МОЙ ДНЕВНИКЪ

(Замѣтки общественныя, литературныя и инныя).

Слово къ моимъ читателямъ и читательницамъ послѣ разлуки.—О чемъ я намѣреаюсь говорить въ нынѣшній разъ.— Въ вагонѣ желѣзной дороги.—Мои компаньоны.—Разговоры, съ приправою водки и рыбы.—Вопросы и приглашенія.— Сонъ и сны.—Пробужденіе.—Шуйско-Ивановская станція.— Поѣздка въ село Иваново.—

Цѣлый мѣсяць я ничего не писалъ въ свой дневникъ; цѣлый мѣсяць на страницахъ «Развлеченія» не появлялось моего имени, вслѣдствіе чего также цѣлый мѣсяць—предполагаю, что это такъ!—въ уныніи находились все мои читатели и тяжело вздыхали мои прелестныя читательницы (предполагаю, что все мои читательницы прелестны). Грустно! Признаюсь, какъ только вспомню я о своихъ горемычныхъ читателяхъ, такъ сразу и бросить меня въ тоску; лишь подумаю только о горькомъ положеніи бѣдныхъ моихъ читательницъ—сердце въ груди болѣзненно сожмется и я съ трудомъ могу удерживать жгучія слезы, а какъ вспомню еще, что за весь этотъ мѣсяць редація не выдастъ мнѣ ни одного сантима, такъ ужъ тутъ я окончательно рыдаю и восклицаю громко: «ахъ, что я надѣлалъ, ахъ, что я надѣлалъ!» А сколько въ этотъ мѣсяць произошло замѣчательнаго и серьезно важнаго! Въ Сокольникахъ рассказывались сцены изъ народной жизни г-мъ Горбуновымъ, въ паркѣ у г-на Сакса молодая дѣвица совершала путешествіе по телеграфной проводкѣ, въ англійскомъ клубѣ отлично обѣдали, поло-

вина Москвы давно переселилась на дачи, произошло безчисленное множество скандаловъ съ разбитіемъ физиономій и такъ, безъ разбитія, испортилось достаточное количество желудковъ и... и всего не перечесть, что случилось капитальнаго за истекшій мѣсяць. Знаю, знаю, что на мнѣ лежала священная обязанность говорить о всѣхъ этихъ явленіяхъ нашей общественной жизни, написать нѣсколько торжественныхъ одъ и никакъ не меньше дюжины благодарственныхъ гимновъ; но я былъ далеко въ этотъ мѣсяць отъ первопрестольной столицы и уста мои были замкнуты.... О Боже, Боже! сколько же сотенъ франковъ я лишился въ этотъ мѣсяць?! Не сердись, мой добрый читатель, если я и теперь, послѣ тяжелой разлуки съ тобою, ничего не сообщу о московской жизни, а займу тебя рассказомъ о жизни того уголка, въ который такъ неожиданно и случайно забросила меня на время жестокая судьба! Вѣдь для тебя все равно, о чемъ ни говорилъ бы я, только говорилъ бы о чемъ нибудь легонькомъ, веселенькомъ, что могло бы доставить тебѣ возможность посмѣяться въ послѣобѣденный часъ и потомъ съ аппетитомъ заснуть.... Я и буду говорить только объ одномъ веселомъ и легкомъ, даже очень веселомъ и легкомъ! Говорить о вещахъ серьезнаго свойства, вызывающихъ мыслящаго человѣка на размышленіе, я не стану, потому.... потому что время теперь стоитъ очень жаркое и для такого занятія не совсѣмъ удобное, да къ тому же и самъ я нахожу, что въ такую знойную пору будетъ гораздо полезнѣе выбросить всякую мысль о предметахъ головоломнаго

свойства, а исключительно и всецѣло предаюсь сладкому отдохновенію на лонѣ природы, слушать чудные звуки музыки, смотрѣть на красы природы, путешествовать куда нибудь и т. д. Это очень здорово для тѣла и пріятно для души! Теперь, я знаю, читатель взглянетъ на меня любезно, чему я чрезвычайно обрадуюсь, потому что все вышеизложенное было ведено единственно къ тому, чтобы какъ нибудь ловчѣе приступить къ разсказу о путешествіи, совершенномъ мною благополучно въ прошлый мѣсяць. Начинаю.

Быль прекрасный іюньскій вечеръ. Все улыбалось и манило за городъ. Лихачи извозчики, важно покачиваясь на козлахъ и не менѣе важно затягиваясь папирскою, наилубезнѣйшимъ образомъ предлагали свои услуги благороднымъ пѣшеходамъ: «что же, ваше сіятельство, прокатили бы за городъ рубликъ?» Владѣльцы гитаръ, изображая всею фигурою на передкѣ нѣчто въ родѣ знака вопросительнаго, также предлагали свои услуги благороднымъ пѣшеходамъ: «Эхъ, барыня! съѣздили бы на рѣзвой лошаdkѣ за городъ—ихъ какъ прокачу! а за кранолинъ будьте безъ сумлѣнія.» А «рѣзвая» лошадка, на которой смѣлый ванька предлагалъ барынѣ безъ ущерба «кранолина», прокатиться за городъ, такъ-то согнулась вся и жалостливо уставилась тусклыми глазами въ землю, что вотъ того и гляди что испуститъ она послѣднее свое дыханіе и, въ отместку хозяину, простится съ насмѣшливомъ на вѣки и горько своимъ поступкомъ надсмѣется сама надъ бѣднякомъ.... И благородные пѣшеходы, предварительно выторговавши изъ запрошенной цѣны половину, отпраивлялись за городъ, неслись вонъ изъ бѣлокаменной,—туда, гдѣ «далъ голубая видна,» гдѣ вокругъ разстилалась и трепетала на солнцѣ молодая зелень, гдѣ легко и свободно было дышать всякому полной грудью, не опасаясь за свои легкія.... Такъ вотъ въ такой-то, манящій за городъ всякую живую душу, день и сидѣлъ я одинъ въ своемъ кабинетѣ, сидѣлъ и усердно долбилъ «государственное право», а съ улицы все такъ и кричало мнѣ: за городъ, за городъ, бѣдный труженикъ! Я крѣпился, зажималъ руками уши и всѣмъ лицомъ погружался въ лекцію, такъ что мой прекрасный носъ касался «государства» Платона, одного изъ великихъ мудрецовъ классической Греціи, но я не устоялъ наконецъ противъ обольстительныхъ и всеильныхъ призывовъ природы, какъ не устоялъ Самсонъ противъ филистимлянки Далиды, забылъ все и рѣшилъ ѣхать за городъ, въ Кусково.

Черезъ полчаса пролетка подвезла меня къ станціи Нижегородской желѣзной дороги. Я взялъ билетъ въ кассѣ и занялъ мѣсто въ вагонѣ втораго класса. Рядомъ со мною помѣщалась качая-то масса тѣла, облеченная въ широкій кринолинъ и широчайшее платье, почему я и призналъ ее за особу, принадлежащую къ прекрасному полу; особа прекраснаго пола находилась въ распаленномъ состояніи и безпрестанно отдувалась. Напротивъ меня сидѣли трое купцовъ и господинъ среднихъ лѣтъ, съ внушающими къ своей особѣ почтеніе роскошными бакенбардами. Все общество сидѣло молча, только двое изъ купцовъ, съ довольно положительными брюхами, изрѣдка и въ полголоса восклицали: «ахъ

ты, Господи!» или: «эдакая жара—наказанье, да и только!» Третій купецъ, имѣвшій съ своими собратами такое же сходство, какое имѣла одна изъ тощихъ коровъ Фараона съ тучными, постоянно одергивался, безпрестанно поглядывалъ то на одного, то на другаго изъ пассажировъ и чему-то улыбался. Господинъ съ бакенбардами смотрѣлъ въ окно. До отъѣзда оставалось минутъ десять.

— Ахъ ты, окаянная! нарушилъ вдругъ молчаніе купецъ, обладавшій свойствами тучной коровы Фараона, и хлопнулъ себя рукой по щекѣ, на которой услалась было муха.

Рядомъ сидящая со мной масса заколебалась, выставлялась жирная рука съ платкомъ и начала обмахиваться, хотя ужъ мухи и не видать было въ вагонѣ и опасности никакой больше не предвидѣлось.

— Позвольте узнать, обратился ко мнѣ улыбающійся купчикъ,—вы на службѣ гдѣ находитесь?

Я сказала.

— Ну, такъ и есть, я зналъ это: вашего брата всегда можно отличить отъ прочихъ.

— Да? полюбопытствовалъ я узнать.

— Всеида-съ! Я вотъ только разъ взглянулъ на васъ, и сейчасъ же узналъ кто вы.

Послѣ такого счастливаго начала, разговоръ пошелъ въ гору и сдѣлался общимъ. Больше всѣхъ говорилъ веселый купчикъ и меньше всѣхъ господинъ съ бакенбардами; что касается до особы прекраснаго пола, то она по прежнему потѣла, отдувалась и молчала.

— А что, Сидоръ Петровичъ,—сказалъ одинъ изъ породистыхъ купцовъ,—не выпить ли намъ передъ отъѣздомъ-то?

— Отчего-жъ и не выпить, Иванъ Кузьмичъ, отвѣчалъ Сидоръ Петровичъ,—выпьемъ по стакачку.

Достали флягу со стаканомъ и вытащили почти цѣлую севрюгу.

— Поди и Гаврила Васильевъ выпить хочетъ, сказалъ Сидоръ Петровичъ, поводя глазами на веселаго купчика.

— Что же-съ, если старшіе кушаютъ, то и намъ позволительно-съ, отвѣчалъ Гаврило Васильевичъ и, сладко улыбаясь, протянулъ руку за стаканомъ.

— Ужъ ты, прощальга! въ видѣ похвалы отпустилъ ему Иванъ Кузьмичъ.—На-ка вотъ, севрюженки, закуси, прибавилъ онъ и ткнулъ ему кусекъ рыбы.

Раздался звонокъ, вагонъ двинулся съ мѣста и дрогнулъ, точно чего испугавшись.

— Ахъ ты, Господи! послышалось со стороны купцовъ.

— О-о-хъ! вырвалось что-то подлѣ меня.

Поѣздъ полетѣлъ. Купцы начали креститься.

— Теперьча можно повторить, сказалъ Иванъ Кузьмичъ, доставая водку и закуску.

— Можно, согласился Сидоръ Петровичъ.

Господинъ съ бакенбардами посмотрѣлъ на купцовъ.

— А вы, господа, далеко ѣдете?

— До Нижняго. Тамъ у насъ лавки, такъ надо осмотрѣть: не испортило ли ихъ что во время водополи.

— Такъ.

Купцы выпили.

— Что-то теперича у насъ дома дѣлается? началъ Сидоръ Петровичъ.

— Что дѣлается-то? Жена поди спать, а не то чай пьеть съ кренделями.

— Я думаю, что еще дрыхнетъ: больно ужъ она здорова у меня спать-то!

— Ну и моя тоже не уступить: хотъ ты изъ царь-пушки пали,—не услышитъ!

Гаврила Васильевичъ также нашелъ нужнымъ вспомнить свою жену.

— А вотъ моя, заговорилъ онъ,—такъ очень мало спать: все больше хозяйствомъ, да шитьемъ занимается. А ежели теперича, примѣрно, я когда изъ лавки ворочусь поздно и она спитъ, то необыкновенно чутквій сонъ имѣеть: чуть только я къ постели—она ужъ и слышитъ....

— За то она у тебя и тѣла не имѣеть, поучительно сказалъ Иванъ Кузьмичъ.—Да вѣдь жену твою никто и за купчиху не считаетъ: швеей она была, швеей и останется по гробъ своей жизни. Да-а!

— Ну это еще не извѣстно-съ.... Тоже и настоящія-то, природныя кучихи, не равны....

— Ваши билеты, господа! сказалъ кондукторъ, показываясь въ двери вагона.

Всѣ подали билеты. Я тоже свой отдалъ.

Едва кондукторъ взялся за ручку двери, какъ Гаврила Васильевичъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Ты что? спросилъ его Иванъ Кузьмичъ.

Гаврила Васильевичъ продолжалъ заливаться.

— Да что съ тобой—перекрестись!

— А, какъ смѣшно-то,—выговорилъ наконецъ Гаврила Васильевичъ.—Былъ я недавно съ въ Петровскихъ паркахъ, въ саду Суханова. Умора-съ! Тамъ господинъ Соколовъ представлялъ, какъ одинъ мужикъ билетъ съѣлъ....

— Какъ съѣлъ?

— Да очинно просто-съ: взялъ мужикъ въ кассѣ билетъ, а потомъ съ калачемъ и съѣлъ его весь.

— А можетъ это онъ только такъ, морочить? усомнился Сидоръ Петровичъ.

— Кто-съ?

— Ну а этоть, фокусникъ-то, что представлялъ.

— Помилуйте-съ, Сидоръ Петровичъ! г. Соколовъ не фокусникъ, а артистъ. Все это представляетъ онъ въ разговорахъ, словами: тутъ не можетъ быть никакого обмана-съ.

— А ты и вѣришь? Ахъ, ты, простота!

— Да что вы, Сидоръ Петровичъ! Вѣдь г. Соколовъ на той же самой линіи состоитъ, что и г. Горбуновъ. Неужели вы никогда не видали въ гостиницѣ Барсова....

— Не видалъ да и видѣть никогда не желаю такого сраму,—съ сердцемъ перебилъ Сидоръ Петровичъ:—будетъ что и васъ дурачатъ; а себя мы погонимъ не много.

— Давай-ка, Петровичъ, выпьемъ лучше,—предложилъ Иванъ Кузьмичъ, вытаскивая флагу.

— Что же выпьемъ, пожалуй!

— А севрюги-то у насъ не станеть на дорогу,—тревожно проговорилъ Иванъ Кузьмичъ, показывая собрату рыбій хвостъ.

— Купимъ. — А что, поднести, что ли, ужъ Гаврилу-то Васильеву? Ну, сердца у меня нѣтъ на него теперича: налей ему, Иванъ Кузьмичъ, прощальнику стаканъ, да дай что осталась отъ хвоста закусить.

Доброе сердце, думалъ я, глядя на движущійся животъ Сидора Петровича и его красныя щеки: вспылить и тотчасъ же остынетъ.

— Ты что на меня глядишь? спросилъ Сидоръ Петровича, наводя на меня строгій взоръ.

— Любуюсь вашей душевной красотой,—отвѣтилъ я почтительно.

— Ну, это ты, любезный, врешь! Души моей ты видѣть не можешь: душа человѣческая подобно ангелу,—духъ. А какъ ты можешь зрѣть духъ? Ну, отвѣчай ты мнѣ, коли ты настоящій философъ!

Я только хотѣлъ отвѣчать Сидору Петровичу, какъ вдругъ сидящая подлѣ меня масса заговорила человѣческимъ голосомъ.

— Господинъ купецъ,—такъ начала масса, обращаясь къ Гаврилу Васильевичу,—вы какимъ товаромъ торгуете?

Всѣ обратили на нее взоры, а Гаврило Васильевичъ любезно отвѣчалъ.

— Галантейнымъ и меднымъ товаромъ, сударыня.

— А какой нынче, спрошу я васъ, въ употребленіи цвѣтъ платья въ высшемъ обществѣ?

— Разные-съ: и розовый, и палевый, и голубой...

— Я спрашиваю, какой самый модный цвѣтъ, принятый въ аристократическомъ обществѣ?

Гаврило Васильевичъ былъ въ затрудненіи.

— Надо полагать—малиновый или самый красный отвѣтилъ онъ.

— Да что вы его, барыня, спрашиваете, — вмѣшался Сидоръ Петровичъ:—разъ онъ настоящій торговецъ? Магазины-то его, въ коемъ онъ торгуетъ, весь можно на себѣ изъ Ножевой до Нижняго донести: какой онъ модный торговецъ!

— Да, такъ вотъ онъ какой торговецъ, съ презрѣніемъ произнесла барыня и смолкла.

— Что же вы, Сидоръ Петровичъ, жалостливо заговоришь торговецъ изъ Ножевой линіи,—въ такой конфузъ ставите меня передъ неизвѣстной особою? Это вамъ грѣхъ-съ будетъ!

— За тебя-то это грѣхъ? Ладно, рассказывай это своей женѣ по субботамъ, а намъ нечего тебя слушать: и получше тебя говорили, да мы словъ ихъ въ резонъ не принимали.—А ты, Иванъ Кузьмичъ, достань-ко водочки-то! Мы съ моднымъ торговцемъ выпить хотимъ.

При этой выпивкѣ, вмѣсто уничтоженной рыбы, явились на закуску сдобныя лепешки и сладкіе пироги. Все съдобное пожиралось въ громадныхъ размѣрахъ. Господинъ съ бакенбардами только глядѣлъ и пожималъ плечами.

— Философъ! есть у тебя супруга али нѣтъ? приступилъ ко мнѣ опять съ вопросомъ Сидоръ Петровичъ.

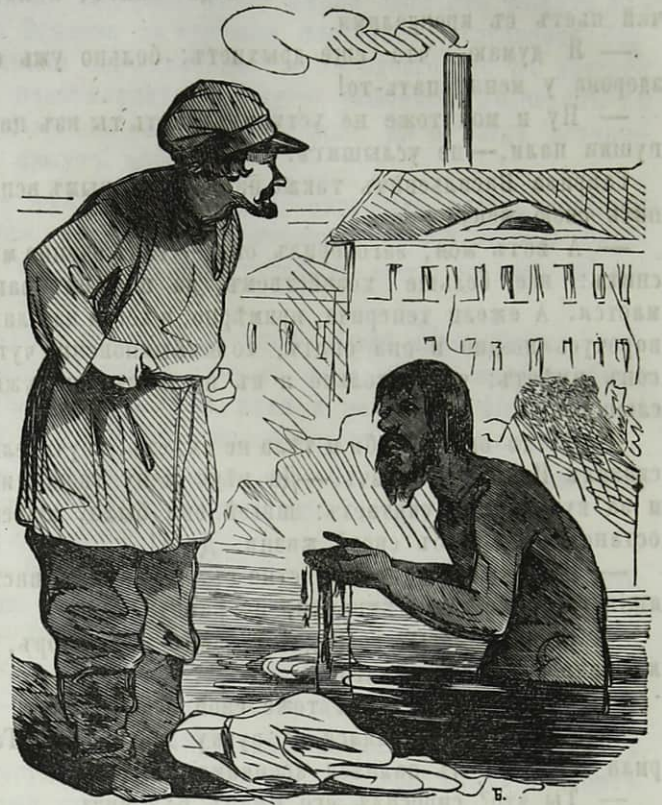
— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я въ прежнемъ почтительномъ тонѣ.

— А родителей имѣешь?

— Родители живы.

Красавица, какъ изображаютъ ее поэты: «Прелестный овалъ лица, очи—звѣзды, щеки—розы, зубы—перлы, губки—кораллы, лебединая шея и лилейныя руки.»

— Что это ты посинѣлъ? аль озлябъ?
— Нѣту: это фабрикантъ кубовую краску выпустилъ въ рѣчку, такъ она маленько и синить.

— Что-жь они не пристроить тебя?
— Я пристроенъ, Сидоръ Петровичъ.
— Нѣтъ, по моему ты не пристроенъ. Вотъ, коли ты женишься, исполнишь законъ Божій, тогда ты будешь пристроенъ; а теперь ты, выходить, какъ есть прохвость настоящей и больше ничего. Понялъ?
— Понялъ.
— Вотъ люблю: соглашаешься со старшими. Давай выпьемъ за компанію!
— Я не пью.
— Ну, ты не ври! Вѣдь отца съ матерью здѣсь нѣтъ? Выпьемъ.
Я вторично отказался.
— Ну, какъ хочешь! мы и безъ тебя выпьемъ....
— На здоровье.
Я прислонился къ спинкѣ дивана и началъ дремать.
— Философъ! выпей стаканчикъ,—раздался голосъ Сидора Петровича.
— Не выпью, — отвѣчалъ я, закрывая плотнѣе глаза.
Черезъ минуту Сидоръ Петровичъ опять пристуналъ ко мнѣ.
— Философъ! а хочешь я тебя женю? Богатую невѣсту сосватаю?
Я молчилъ.
— Не тревожьте его,—сказалъ бакендбардистъ: — онъ заснулъ.

— Эка важность! Чай и разбудить можно: не велики поди еще чины-то на немъ. — Да вы что тутъ не въ свое-то дѣло вмѣшиваетесь? Можетъ я пристрою, облагодѣтельствую!... Вы почему знаете? Я его полюбилъ, значить, я могу на цѣлую жизнь его счастливымъ сдѣлать.... А вы что?..
Дальше этого «что» я ничего не слыхалъ, потому что заснулъ невиннымъ сномъ младенца. Видѣлъ сны, но только далеко не младенческіе. Видѣлъ, что меня женить и женять именно на дочери Сидора Петровича. Невѣста моя молодая и красивая дѣвушка, съ цвѣтущимъ лицомъ и самымъ невиннымъ глупымъ выраженіемъ въ глазахъ, она не полна, какъ большинство нашихъ купеческихъ дочерей, но обладаетъ всѣми задатками сдѣлаться полною. Она страстно любитъ меня, что я вижу изъ ея глазъ и губъ, нетерпѣливо жаждущихъ поцалуя. Мы сидимъ и глядимъ другъ на друга. Мамаша занята хлопотами къ устройству опочивальни для новобрачныхъ, а папаша, т. е. самъ Сидоръ Петровичъ, ходитъ по комнатамъ и съ видимымъ удовольствіемъ гладитъ себя по животу.
— Сказалъ, что женю тебя, и женю, — говоритъ онъ:—будешь вѣчно за меня Бога молить?
— Буду, говорю я ему.
— И умень: за послушаніе я тебя и полюбилъ, за послушаніе ты и человѣкомъ будешь. Ты у меня далеко пойдешь!

Гостя. Охота вамъ заниматься этимъ волокитой: у него только актрисы на умѣ. Да и вамъ ужъ за 40 лѣтъ, какъ увѣрять Плутона Петровичъ.

Хозяйка. Все это пустяки; я все таки своего добьюсь. Матушкѣ моей было за 50 лѣтъ, когда Гостя въ нее влюбился; а Плутона Петровича я не буду больше принимать: пусть себѣ прогуливается по своимъ необитаемымъ островамъ.

— Далеко пойду,—соглашаюсь я.

Невѣста глядитъ на меня такъ любовно и говоритъ пѣжно.

— Поцалуй меня, душенька!

— Ты дура,—говорю я ей вмѣсто отвѣта на просьбу поцалуй.

— Ну, такъ что за важность, что дура! Не я одна только дура, и прочія всѣ такія же....

— А на дурѣ я не женюсь,—продолжалъ я.

— Ахъ, Господи! чуть не плачешь бѣдная дѣвушка:—да чѣмъ же я дура?

— Ты ничего не знаешь, ничего дѣлать не умѣешь—тѣмъ ты и дура?

Невѣста громко засмѣялась и воскликнула:

— Ахъ милый! какой ты смѣшной! Да зачѣмъ знать мнѣ, зачѣмъ дѣлать мнѣ, когда я буду твоей женою? я буду любить тебя, цаловать, у насъ будутъ дѣточки, хорошенькія дѣточки! Ахъ, какъ это будетъ весело! Да я и тебѣ не позволю ничего дѣлать: у папаши моего денегъ много. Зачѣмъ тебѣ работать?

Я чувствую въ груди какую-то жгучую, страшно невыносимую боль, отъ которой начинаетъ ломить мозгъ.... Все темнѣетъ.... Раздаются крики, въ которыхъ я узнаю голоса какъ будто моихъ компаніоновъ по вагону. Затѣмъ кого-то выводятъ и все сти-

хаеть. Опять кто-то приходитъ и опять все стихаетъ. Я ничего не вижу и долго ничего не вижу. Наконецъ слышу голосъ: «милостивый государь, милостивый государь!» Я проснулся. Передо мной стоялъ кондукторъ.

— Позвольте вашъ билетъ!

Я схватился за карманъ: билета нѣтъ. Тутъ я и вспомнилъ, что билетъ въ кассѣ мною былъ взятъ только до Кускова, и что я его отдалъ и что потомъ, заинтересовавшись разговоромъ своихъ компаніоновъ, я забылъ, куда ѣду и наконецъ заснулъ, не вспомнивъ о мѣстѣ своей поѣздки.

— Билетъ,—повторилъ кондукторъ.

Я объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Хорошо-съ. Сейчасъ будетъ Шуйско-Ивановская станція, сказалъ онъ:—вы тамъ отдадите деньги.

Я смотрѣлъ вокругъ себя и не узнавалъ вагона: ни одного знакомаго лица, все новые! Куда же дѣвались купцы, мой названный папаша, баянбардистъ и тучная особа прекраснаго пола? Я хотѣлъ спросить о нихъ своего новаго сосѣда, но поѣздъ ужъ остановился и мнѣ нужно было выходить на станцію. Я вышелъ, заплатилъ за свой проѣздъ деньги и почувствовалъ великую печаль: зачѣмъ я проѣхался до Шуйско-Ивановской станціи и зачѣмъ,—о безжалостная судьба!—я вдругъ лишился пяти рублей! Въ такомъ грустномъ

расположеніи я ходилъ по залу станціи и думалъ: что теперь дѣлать мнѣ? Но тутъ неожиданно явилось ко мнѣ спасеніе, въ образѣ молодаго человѣка, который спросилъ меня:

— Вы не въ село ли Иваново ѣдете?

— А далеко это отсюда?

— Верстъ семьдесятъ. Насъ двое, не достаесть еще третьяго компаніона.

— Я буду вашимъ третьимъ компаніономъ,—сказалъ я:—у меня въ Ивановѣ знакомый одинъ есть.

И черезъ полчаса, на тройкѣ и въ тарантасѣ, я катилъ по дорогѣ въ село Иваново, этотъ русскій Манчестеръ. Посмотримъ, что это такой за Манчестеръ-русскій! А странно: куда дѣвались изъ вагона мои компаніоны? Пересѣли ли они въ другой вагонъ, или... да неужели ихъ высадили гдѣ нибудь на станціи?

Нескажуся.

ФОКУСНИКИ

ПРОДОЛЖЕНІЕ БЕСѢДЫ ЗА ЧАЕМЪ.

— А, кого я вижу, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Здравствуй, сватушка! Ну что, какъ обстоятельства?

— Славу Богу! пока Онъ милуетъ насъ грѣшныхъ!

— А что, свать, собираешься въ Нижній на ярмарку?

— Я думаю... если Богъ дастъ здравія и подѣдутъ иногородніе, видишь, полученъцы есть, да и платежи тоже, такъ нужно привести все въ порядокъ.

— А что, новенькаго чего нѣтъ ли?—Знаешь, живучи на фабрикѣ, въ деревнѣ, ничего не знаешь, а какъ пріѣдешь въ Москву, все-таки маненько отдохнешь и въ трактиръ-себѣ сходишь, и кое-что поразузнаешь, а пріѣхамши домой, Перепетуѣ Ельпидифоровнѣ расскажешь.

— Пока, кажись, особеннаго ничего нѣтъ, все по старому, т. е., сирѣчь—штиль!

— А что, свать, не хочешь ли чайку со мной распить, пойдёмъ!

— Нѣтъ, кумъ, право некогда....

— Полно кобениться-то, я угощу... вѣдь знаю, что ты скупенекъ, полно, пойдёмъ, я знаю, нынче съ тебя, кажись, въ годъ трехъ паръ не разопьешь.

— Если такъ, то пойдёмъ, я угощу, но помни—о новостяхъ и помину нѣтъ!

— Какой ты, право, проказникъ, сидѣть въ трактирѣ два битыхъ часа за чаемъ молча, съ чего ты это взялъ, свать, слыхано ли это, что ты эпитимію что ли наложилъ на себя за старые грѣхи?

— Ну ужъ полно, не сердись, пока кое-что поразкажу.

— Иванъ! собери-ка три пары, да испровориѣй!

— Нѣтъ, братъ, чаю пить ни за что не стану!

— А и въ правду пора закусить.—Иванъ! дай-ка порцію малосольной осетринки пополамъ съ бѣлушкой, а чай-то опосля....

— Ну, что-жъ, свать, новенькаго въ ряду?

— Да что, всѣ заняты наслѣдственнымъ ларчикомъ Пинетти, фокусниками и ихъ продѣлками съ нашими и ихъ братьями.

— Расскажи пожалуйста, что толкуютъ о Дуропенковѣ, Архи-жуль-лентиссимусѣ, Штукенгофѣ и Митькѣ Швейнѣ?

— Да что говорятъ, а вотъ что:—Митька Швейнъ являлся къ намъ въ рядъ и въ конторы съ предложеніемъ отъ конториста Архи-жуль-лентиссимуса, у котораго, какъ мы узнали въ послѣдствіи, кромѣ огромнаго семейства, имѣется въ наличности изодранныя брюки съ принадлежностями, и векселя на купца Медвѣдя Петровича Дуропенкова, на которые онъ желаетъ купить товаръ, давая при этомъ третью часть денегъ; ты, кумъ, знаешь, что время глухое было, деньги каждому нужны были, а слѣдовательно Архи-жуль-лентиссимусъ легко купилъ товаръ у многихъ.

— Мнѣ кажется, ты сказалъ, что у Архи-жуль-лентиссимуса вромѣ изодранныхъ брюкъ ничего не имѣется, откуда же очутились у него деньги, тѣмъ болѣе, какъ поговариваютъ, что Медвѣдь съ Архи-жуль-лентиссимусомъ только ужъ послѣ славно запустили лапы—то съ помощью фокусовъ?

— О нихъ я тебѣ, свать, послѣ расскажу подробно, а теперь слушай и не мѣшай, рассказъ длиненъ, и казался бы невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, но къ несчастію для тѣхъ, которые попались и еще попадутся—горькая истина.—Ты помнишь, что у Медвѣдя, послѣ смерти отца, остался въ залогѣ домъ Орѣлова въ 30 т. руб. сер.; когда наступилъ срокъ закладной, ну, вотъ Архи-жуль-лентиссимусъ и присовѣтовалъ Медвѣдю, не принимать процептовъ отъ него, а потребовать всю сумму, а какъ у Орѣлова денегъ не было, то Медвѣдь окружилъ себя сводчиками всѣхъ родовъ и мнимыми контористами, которые взялись прискаты Орѣлову денегъ, для уплаты Медвѣдю, Орѣловъ же сталъ кобениться—не хочу платить!—А представъ, говоритъ Медвѣдь, закладную въ палату, тогда увидить, что домъ, который даетъ доходу до 9 т. руб. сер., принесетъ только 300 р.

— Почему же это такъ, свать?

— Вотъ видишь ли, кумъ: въ домѣ Орѣлова помещается пріютъ для такихъ, которые не имѣютъ пристанища, а какъ онъ самъ содержатель его, то при введѣ во временное владѣніе Медвѣдя, онъ переведетъ свое заведеніе въ другое мѣсто, и домъ останется пустъ; а какъ никто изъ порядочныхъ людей не хочетъ имѣть никакого дѣла съ Орѣловымъ, зная всѣ его продѣлки, то Медвѣдь поручилъ дѣло о присканіи денегъ Митькѣ Швейну и Бобылю; дѣйствительно, они нашли ему человѣка, желающаго принять домъ Орѣлова въ залогъ въ 30 т. руб. сер.,—но съ тѣмъ, чтобъ вычестъ изъ нихъ за два года проценты, которые, конечно, назначены были по христіански!—При томъ и Орѣловъ просилъ скинуть съ закладной 3 т. руб. сер., ради дружбы и хлѣба-соли, которыя онъ водилъ съ покойнымъ Дуропенковымъ,—такимъ образомъ, Медвѣдю пришлось получить вмѣсто 30 т. руб. сер. только 17,500 руб. сер. облигаціями кредитнаго общества и 3 т. руб. сер. векселями на два года и своихъ векселей, находившихся въ дисконтѣ у залогодателя, на 5,300 руб. сер., что все составитъ 25,800 р. с.,—слѣдовательно, Медвѣдь потерялъ изъ закладной 4200 р. с.,—все это ради Архи-жуль-лентис-

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всё города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонія въ Огородни-
кахъ, на Покровскъ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

РИСКНУЛЬ—ДА И ЗАКАЯЛСЯ

СЦЕНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

Въ 3-хъ дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Никандръ Степановичъ Прозоровскій, участвующій въ
какой то газетѣ, изъ провинціальныхъ чиновни-
ковъ, вдовый, лѣтъ 55-ти.

Людмила, 19-ти лѣтъ,)
Барвара, 17-ти лѣтъ,) его дочери.

Александръ Ивановичъ Ларинъ, 28-ми лѣтъ.

Владиславъ Юрьевичъ Старжевскій, 30-ти лѣтъ, слу-
жащіе люди.

Сергій Дамбовъ,)
Никандръ Терскій,) слывущіе за студентовъ.

Дмитрій Семеновичъ Скворцовъ, купецъ фабрикантъ,
среднихъ лѣтъ.

Вот видишь ли—отец твой подобрал мои деньги, запутал всякимъ образомъ отчетъ на опеку. Теперь вотъ уже нѣсколько лѣтъ кончился срокъ моего попечительства—я къ нему обращался нѣсколько разъ съ просьбою объ отчетѣ, онъ все отмалчивается. Ну мнѣ и необходимо требовать отъ него, законно требовать. Я вотъ и отыскалъ такого человѣка, къ нему и переѣзжаю.

Настя. Это къ Прозоровскому что ли?

Фальевъ. А ты почему знаешь?

Настя. Такъ, знаю! Ну, нечего значить дѣлать.... Прощайте, Сергѣй Васильевичъ — желаю вамъ всего лучшаго. Дай вамъ Богъ,—а если когда жутко придется.... вспомните, что у васъ есть Настя—теперь Скворцова, а скоро должна быть Галкина.... Не забудьте ее, а она васъ не забудетъ никогда....

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Елизавета Васильевна.

Елизавета Васильевна. Настя! да войди хоть на минуту. Что же мнѣ дѣлать? вѣдь ругательски ругаетъ!

Настя. Ведите, куда хотите, ведите, мнѣ теперь все равно. (*Уходитъ*).

Фальевъ (*одинъ*). Жаль ее... очень жаль. Но что же мнѣ дѣлать? Свела меня съ ума эта Людмила. А, что будетъ, то и будетъ! Тяжело начинать жить.... Ну, да (*подходитъ и пьетъ водку*). Первая!

Н. СКАВРОНСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОЙ ДНЕВНИКЪ (*)

Дорожныя удовольствія и утѣшенія попутчиковъ.—Пріѣздъ въ с. Иваново.—Музыка.—Сцены въ трактирѣ и сцена у трактира.—Человѣкъ на своемъ мѣстѣ.—Немногословное описание ивановской ночи.—Въ чемъ Иваново сходится съ Москвою и въ чемъ не сходится.—Гулянье въ бору.—Народныя сцены.—Мѣтный beau monde.—Катанье и танцы.—Фейерверкъ.—Ночное гулянье въ улицахъ.—Фельетонистъ-поэтъ и его произведеніе.—Заключеніе и возвращеніе въ Москву.—

Дорога отъ станціи до русскаго Манчестера показалась мнѣ за цѣлую вѣчность. Мы ѣхали и полями, и лѣсами, и водою—а больше всего, кажется, водою. На протяженіи 70-ти верстъ мы встрѣтили не менѣе пятнадцати мостовъ и мостиковъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ со мною даже и теперь дѣлается скверно, четыре или пять разъ переѣзжали бродомъ и чуть было не покусались въ рѣкѣ, при переѣздахъ на паромѣ. Я просто выходилъ изъ себя отъ безпрестанныхъ толчковъ и ушибовъ, получаемыхъ во все время этого путешествія; я неоднократно покушался выпрыгнуть изъ тарантаса и обѣжать безъ оглядки на станцію, что всенепременно и слѣ-

дѣлать бы, если-бъ съ двухъ сторонъ не придерживали меня за пальто дорогіе мои компаніоны.

— Ничего-съ, что за важность! ободряли меня пріятели всякій разъ, когда я вскрикивалъ благимъ матомъ и обнаруживалъ движеніе за тарантасъ.

— О небо, небо! дерзала я роптать, взводя очи къверху:—за что ты преслѣдуешь меня? зачѣмъ ты не дало мнѣ выйти изъ вагона въ Кусковъ и почто—о жестокое небо!—допустило меня ѣхать въ Иваново?!

— А вотъ мы разъ двадцать въ годъ-то здѣсь проѣдемъ, утѣшала коварный юноша, по милости котораго я претерпѣвала столь жестокия мученія—и то ничего не чувствуемъ....

Наконецъ, послѣ двѣнадцатичасовой ѣзды, отъ которой я остался еле живъ, мы благополучно, т. е. живыми еще, прибыли въ село Иваново. По совѣту моихъ добрыхъ компаніоновъ, съ которыми я распростился самымъ дружелюбнымъ образомъ, я велѣлъ ямщику везти себя на «Московское подворье», гдѣ и занялъ номеръ.

— Багажъ прикажете внести? спросилъ хозяинъ, любезный и предупредительный человѣчекъ маленькаго роста, когда я вошелъ съ нимъ въ номеръ.

— Не безпокойтесь, отвѣтилъ я,—багажа со мною нѣтъ.

Хозяинъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— А самоваръ прикажете вамъ подать?

— Благодарю васъ: я не хочу чаю.

Хозяинъ опять улыбнулся, сдѣлалъ мнѣ поклонъ, снова улыбнулся и вышелъ.

Какъ только вышелъ мой услужливый хозяинъ, я тотчасъ же растаялся на жесткомъ диванѣ, подобно храброму воину, только что вернувшемуся съ кроваваго поля битвы, и заснулъ богатырскимъ сномъ. Но въ десятомъ часу вечера богатырскій сонъ былъ нарушенъ громомъ барабановъ и трубъ. Я быстро вскочилъ и подбѣжалъ къ окну, чтобы узнать о причинѣ тревоги. Оказалось, что въ нарушившемъ мой сонъ громъ ничего не было воинственнаго: изъ раскрытыхъ оконъ трактира, находившагося на другой сторонѣ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, вырывались на улицу звуки музыки, подъ которые чьи-то ноги молодецки отхватывали «барыню». Я моментально просіялъ всею душой и воскликнулъ: «вотъ она, цивилизація-то! привѣтъ тебѣ!» Я заперъ номеръ и пошелъ въ трактиръ, чтобы вкусить отъ плодовъ цивилизаціи.

На площади, передъ трактиромъ съ одной стороны и передъ «Московскимъ подворьемъ» съ другой, стояли извожники, на самыхъ разнокалиберныхъ экипажахъ.

— Не ѣхать ли куда изволите? раздалось нѣсколько голосовъ, при появленіи моей особы.

О цивилизація! подумалъ я вторично и вошелъ въ *дворянскую залу* трактира. Въ длинной комнатѣ, за нѣсколькими столами, сидѣли гости; передъ ними красовались бутылки, графины и пр. Впереди, у оконъ, помѣщались музыканты. Когда я вошелъ, «барыня» уже кончилась, но плясунъ находился еще посреди комнаты и требовалъ, чтобы «барыню» повторили.

— Ты отдохни прежде, Вася, отдохни, говорили юному плясуну изъ-за одного стола пріятели,—зшей поди стаканчикъ, а тамъ и опять валай!

— Не хочу я пить! кричалъ Вася.—Мнѣ оченна

(*) См. Развлеч. № 27.

тошно, я развлечи свою тоску хочу.... вотъ что! Играйте, музыканты!

— Да ты, дурашка, не кричи, совѣтовали ему пріятели,—пожалуй съ улицы кто услышитъ, до отца дойдетъ....

— Что маѣ отецъ! кричалъ юноша,—я его таперича знать не хочу! Онъ меня всячески тѣснить, слабоды никакой мнѣ не даетъ, а я.... я человѣкъ молодой, я погулять хочу.... Вотъ и гуляю я!... Пускай онъ самъ приходитъ сюда! Я не спрячусь, ей-богу не спрячусь!.. Что, молъ, тятенька, держали вы меня въ строгости-то, да много ли своей-то строгостью меня уму-разуму научили?... Что, скажу, николи вы не видали меня такимъ молодцомъ, николи не видали, тятенька? такъ полюбуйтесь, тятенька, полюбуйтесь, каковъ я нонѣча молодецъ сталъ!... Да играйте же, музыканты!...

Застольные товарищи Васи, едва только замѣтивъ меня, начали между собою шептаться, изрѣдка бросая въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ, косые взгляды. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Васѣ и сталъ говорить что-то на ухо.

— Такъ чтожъ? громко сказалъ юноша, оборачиваясь ко мнѣ,—пусть слушаетъ! Онъ, поди, изъ ученыхъ какой, а я дуракъ, не ученый.... Такъ онъ не станеть надо мной смѣяться, нѣтъ.... Извините, продолжалъ онъ, подходя нетвердо ко мнѣ,—я выпилъ сегодня немного... Я васъ не обидѣлъ?

— Нисколько.

— Благодарю васъ. Я несчастный самый человѣкъ! воли мнѣ нѣтъ,—я и пью.... Ахъ, какъ тяжело-то мнѣ!... Братцы,—обратился несчастный человѣкъ къ музыкантамъ,—что же это и вы для меня удовольствія сдѣлать не хотите!

Музыканты разомъ взмахнули своими инструментами и заиграли какую-то польку.

— Вотъ теперь весело!.. Э-эхъ ты, гулай, Вася, пока голова не плечахъ!...

Да, весело,—подумалъ я и направился въ сосѣднюю комнату, въ которой бесѣдовали другіе гости. За однимъ столомъ сидѣли трое мужчинъ, разговаривали и пили; за другимъ, въ чуть освѣщенномъ углу—двѣ не пышно одѣтыя дѣвушки и двое мужчинъ.

— Вотъ ты говоришь насчетъ коммерціи, говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ за первымъ столомъ, мужчина съ рыжей бородою,—ну што таперича наша коммерція? Што она значитъ, эта коммерція?...

— А ты не знаешь? спрашивалъ у него другой собесѣдникъ.—Вели подать еще графинъ водки да пару пива, и узнаешь....

— Эй, половой!

За перегородкой раздавался голосъ Васи:

— Музыканты! сѣиграйте вы таперича мнѣ пѣсню, самую что ни есть грустную пѣсню!...

— А Васютка все еще не унялся, замѣтила одна изъ дамъ въ темномъ углу.

— Ну, будетъ ему, бѣднягѣ, отъ отца на гулянье, какъ ужъ домой придетъ, пожалѣла другая дама въ углу.

— Да ѣшьте што ли скорѣе, чортовы дѣчери! торопятъ дамъ ихъ кавалеры,—чай пора ужъ отсюда убираться? Пожалуй еще на грѣхъ кто изъ знакомыхъ придетъ!...

Въ первой комнатѣ, по желанію Васи, музыканты

играли по истинѣ какую-то грустную пѣсню, а горемычный юноша сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову, и такъ-то жалостливо пѣлъ:

«Позволь, маменька, жениться,
Взять котору я люблю!»

Мать позволила, да поздно:

Милый къ смерти близокъ былъ»....

Пѣвецъ заплакалъ.

— Ахъ, да разѣ я и не умру! Умру, ей-богу умру, говорилъ онъ, рыдая и закидывая назадъ голову.

— Полно, Вася, полно, утѣшали его пріятели,—выпей лучше, да пойдѣмъ на билиартъ сѣиграемъ партійки двѣ. Сразу все пройдетъ, какъ рукой сниметъ!

Я надѣлъ шляпу и вышелъ. Но у крыльца трактира наткнулся на новую сцену.

Передо мною стоялъ высокій мужчина съ бородою; на немъ былъ длинный суконный сюртукъ и на головѣ фуражка; въ рукахъ онъ держалъ гармонику. За нимъ, безъ шапокъ, видѣлись нѣсколько человѣкъ мужиковъ, видимо рабочихъ.

— Вы стойте здѣсь, робята, отдавалъ приказанія господинъ съ гармоникою,—а я посижу въ трактирѣ, музыки послушаю. Жена подойдетъ сюда—не пускайте. Слышите?

— Слышимъ, сударь, отвѣчали рабочіе.

— Ежели жена спроситъ: «што вы тутъ стоите?»—говорите: «тятенькой, молъ, вашимъ приставлены молодого хозяина стеречь.» Слышали? Такъ и говорите! Ужо на полведра дамъ.

— Все въ точности исполнимъ, сударь.... Да нельзя ли ужъ, сударь, сдѣлайте милость, на полведерка-то намъ топера пожаловать: пока вы тамъ музыку-то это слушали бы, и мы здѣсь его и порѣшили бы все за одинъ духъ?

— Нельзя: крупныя деньги.—Такъ слышали: жену не пускать?

— Слышали.

— Ну, ступайте, а я пойду....

— А ежели она, сударь,—заговорилъ одинъ изъ вѣрныхъ личардовъ купца,—насъ не послушается, да станеть врываться туды, въ трахирь-то, такъ што намъ дѣлать?

— Што? Встать въ дверяхъ и упереться дружиѣй!

— Такъ-съ. А отпору ей не дѣлать?

— Не надо....

— Слушаемъ.

Подходя къ подворью, я запнулся за какое-то темное, лежавшее у проѣзда тѣло, и чуть не перелетѣлъ черезъ него.

— Я у мѣста, я у мѣста, заговорило вдругъ тѣло, оставаясь въ неподвижномъ состояніи деревяннаго обрубка.—Не тревожьте меня, не тревожьте.... Я, слава Богу, на мѣстѣ, на хорошемъ мѣстѣ....

— Что это за субъектъ, говорю я и наклоняюсь, чтобы разсмотрѣть его.

— Это я, я.... курица я, продолжаетъ лежащій на землѣ человѣкъ,—не тронь меня, я дома....

Вотъ ужъ до чего дошло, сокрушаюсь я за убогаго своего брата:—горячка у субъекта-то началась, за курицу себя признаетъ.

— Ба! да это курица лежитъ, сказала дворникъ, под-
ходя ко мнѣ и заглядывая на тѣло.—Ты што же это,
другъ сердечный, расположился-то тутъ, а? продолжалъ
дворникъ, ковырнувъ носкомъ сапога курицу,—вставай
да бѣги провернѣй къ женѣ, а то запоздаешь, такъ послѣ
не пеняй на себя: жена таску здоровую тебѣ задасть.

Курица, почувствовавъ ли боль сапога, или услышавъ
про жену, началъ сквернословить.

— Кто же онъ? спросилъ я у дворника.

— Да здѣшній крестьянинъ, отвѣчалъ онъ презри-
тельно,—такъ, непушай мужиченко! Здѣсь его зовутъ
курицей, за то што женѣ надъ собой волю далъ: ужь
оченно бьетъ она его сильно каждый день!

— Надо бы его убрать....

— Наубираешься ихъ! мало ли ихъ, котовъ кабац-
кихъ, топеря ночью-то валяется гдѣ, такъ и прибирать
всѣхъ? Нѣтъ, сударь, мы сами тоже народъ трудовой...
Пускай его лежитъ себѣ со Христомъ, а чувствуется,
такъ и самъ встанетъ.—Вотъ, разѣ голько не обобралъ
бы кто, прибавилъ шутливо дворникъ,—ишь вѣдь на немъ
какое платье-то знатное! И не разберешь: прикрытъ ли
онъ сверху чѣмъ, аки въ грязи гдѣ это онъ такъ вы-
возился,—мудреное дѣло!

— Я курица, курица, бормоталъ между тѣмъ пья-
ный,—курица Иванъ Федорычъ! Да!... Говорили, ку-
рица безъ мѣста, а вотъ я и на мѣстѣ, на хорошемъ
мѣстѣ... Я теперь первый человекъ, первый человекъ
во всемъ обществѣ. Да! Вотъ и знай Ивана Федорыча
курицу!...

— Ишь, ишь вѣдь до чего напилась-то несчастная
курица, рассуждалъ въ свою очередь дворникъ, добро-
душно посмѣиваясь и потыкивая сапогами въ животъ пер-
ваго человека «въ обществѣ.»

Взойдя въ номеръ, я открылъ окно и сталъ любу-
ваться красотой ивановской ночи. А ночь дѣйствительно
была хороша. Надъ громаднымъ селомъ-городомъ, погру-
женнымъ въ мертвенный сонъ, тихо поднималась луна.
Вотъ она освѣтила ужь золотыя главы и кресты церквей,
высокія зданія домовъ, фабрикъ и засеребрила листья на
деревьяхъ. Воздухъ былъ чистъ и мягокъ. Гдѣ-то да-
леко, должно быть очень далеко, пѣлъ соловей, и чудная
пѣснь его страстными волнами разливалась въ ночномъ
воздухѣ. А изъ оконъ трактира по прежнему вырывались
шумные звуки и раздвигались голоса: «тридцать семь и
ничего!» «Я пьянъ, ахъ какъ я пьянъ...» «сорокъ
пять и ничего!» Вдоль улицы неслась фабричная пѣснь.

— Ай! Да ты это за што? жалостно вскрикивалъ и
въ тоже время съ угрозою спрашивалъ чей-то голосъ,
почти что у самого окна моей квартиры.

— А вотъ тебѣ и за што, говорилъ другой голосъ,
и тутъ же сейчасъ слѣдовали удары, громко отзывав-
шіеся въ воздухѣ,—еще спрашиваетъ за што? Это ты,
подлецъ, въ такіе-то неуказные часы да вздумалъ ко мнѣ
въ карманъ залѣзть, а? поучалъ все тотъ же голосъ и
удары съ новою силою продолжали сыпаться на спину и
голову ночного артиста.

— Кар р-а-а-уль!...

Но ни одна душа не явилась на этотъ призывъ. Только
ужь послѣ, когда учитель выпустилъ изъ своихъ рукъ
ченика, довольный внушенною своему питомцу лекціею,

я услышалъ голосъ знакомаго дворника, который разго-
варивалъ самъ съ собою и все дивился.

— Ну ужь спина,—ахъ ты, Господи!... Билъ, билъ
онъ его—и ничего: рысью побѣждалъ!... Вотъ такъ спи-
на,—и-ну! отродясь эдакой здоровой спины не привиды-
валъ! Вѣрно не здѣшній,—нѣтъ, гдѣ изъ здѣшнихъ!...
Вонъ лежитъ, курица-то, ну што онъ за человекъ?...

— Дальше, дальше... не подходи близко, забормоталъ
съ просонокъ курица,—меня общество въ начальники вы-
беретъ... скоро выберетъ... Шашку долой! не видишь,
што начальникъ ѣдетъ.... Невѣжа!...

— Ишь, ишь, опять заговорилъ! Въ начальство себя
произвелъ,—ахъ ты, мразь двухохлая!... Вотъ и пого-
вори съ нимъ!... Ну, а што это только за спина, вотъ
такъ ужь спина!...

Я рассказалъ о впечатлѣніяхъ одного только дня, про-
веденнаго мною въ Ивановѣ; а сколько я переиспыталъ
различныхъ впечатлѣній въ продолженіе цѣлаго мѣсяца,—
и передать невозможно! Де если бы даже и представи-
лась возможность говорить о всемъ слышанномъ и ви-
дѣнномъ мною въ русскомъ Манчестерѣ, то и тогда я не
сталъ бы говорить о всемъ, потому что нахожу это съ
моей стороны не совсемъ деликатно относительно тебя,
мой добрый читатель; а такъ какъ деликатнѣе себя я
не знаю ни одного человека во всемъ мірѣ, то и огра-
ничусь сообщеніемъ только тѣхъ немногихъ наблюденій,
которые наиболѣе для тебя пріятны и менѣе всего тре-
буютъ головной работы. Я изображу тебѣ, читатель,
однѣ веселыя стороны общественной жизни, для чего и
возьму мѣстныя общественныя гулянья и развлечения, а
стороны съ мрачнымъ колоритомъ пройду краснорѣчивымъ
молчаніемъ.

Иваново, какъ и сосѣдка его Москва, любитъ повесе-
лится и погулять. Точно также, какъ Москва старается
во всемъ подражать Питеру, такъ и село Иваново ни
въ чемъ не хочетъ,—конечно, по части гуляній, увесе-
лений и модъ,—уступить Москвѣ и старается во всемъ
подражать нашей древней столицѣ; но какъ Москва имѣ-
етъ свой характеръ и нравъ, и потому, чтобы ни заим-
ствовала у Питера, все пересоздаетъ по своему, какъ
велитъ ей собственный характеръ и нравъ ея, такъ и
село Иваново, подражая во всемъ Москвѣ, остается при
своемъ характерѣ и нравѣ, т. е. всякое заимствование у
Москвы передѣлываетъ по своему. За это я и хвалю его!
Въ селѣ Ивановѣ есть, какъ и въ Москвѣ, фельстони-
сты, воспѣвающіе, по примѣру своихъ московскихъ со-
братовъ, прелести общественной жизни и приходящіе въ
неописанный восторгъ отъ того, отъ чего московскіе фель-
етонисты не пришли бы въ восторгъ, а вошли бы только
въ одно пріятное мечтаніе. Далѣе. Московскія барыни
носятъ на шляпахъ перья, и ивановскія дамы тоже на
шляпахъ носятъ перья, но прикалываютъ къ перьямъ еще
разные цвѣты и навѣшиваютъ бусы. Это, по ихъ, мод-
нѣ выходитъ!... Но довольно сравненій. Пора обратиться
къ самой жизни.

Воскресенье. Въ бору—сосновой рошѣ—имѣетъ быть
гулянье. День стоитъ жаркій, но мѣстная публика не
обращаетъ на это никакого вниманія и съ четырехъ ча-
совъ валомъ валитъ въ боръ. Надо однако замѣтить, что
въ такой жаръ идутъ гулять плебеи и среднее сословіе,
а фамиліи аристократическія придутъ нѣсколько позднѣе.

У кабака, стоящаго на самомъ краю села, толпится публика и, какъ слѣдуетъ, ужь на готовѣ. Одна часть этой публики весело разговариваетъ, другая—ругается и плачетъ, третья—поетъ, обнимается и пляшетъ. Вотъ одинъ парень, изъ фабричныхъ, держитъ другаго такого же парня за руку и поетъ, приплясывая:

«Деньги дѣло нажитое,
По нихъ нечего тужить....»

Не подалеку стоитъ еще парень и играетъ на гармоникѣ, подиѣвая здоровымъ басомъ:

«У моей-то-ль у милой
Брови черныя дугой.
На базаръ мила пошла,
Фунтъ початковъ продала (bis),

Между прочими рабочими идетъ споръ.

— Ты говоришь: пятиалтынный проѣлъ, говорилъ одинъ,—а ты и гривенника не проѣлъ.

— Братъ, оправдывался второй,—сѣлъ я вотъ на гривенникъ-то, а теперя и опять ѣсть хочется.

— Такъ ты бы и давѣ такъ говорилъ. А на што прибавилъ лишнее-то?

— Говорить надо на чистоту, а врать не для ча, замѣтилъ третій.

— Ахъ, братцы! да вѣдь сейчасъ мнѣ надо проѣсть гривенникъ, да еще и того мало будетъ! Што-жь тутъ попусту молоть-то!

— Тутъ не то важно, сколько ты проѣшь сейчасъ? упорствовалъ рабочій,—зачѣмъ ты прибавилъ лишнее. За это ты повиненъ сейчасъ же полштофъ намъ поставить

— Не поставлю.

— Не поставишь,—такъ мы и съ рожи взыщемъ! Вѣдь рожа у тебя широка, парень,—ай широка! мы всегда съ ней свое получимъ, какъ ты на эвототъ счетъ полагаешь?

— Полагаю, што я рыла вамъ обимъ сейчасъ разобью....

Но до разбитія рылъ дѣло не доходитъ. Въ толпѣ раздаются голоса: «становой идетъ, становой идетъ!»—и все на время смолкаетъ и примирается.

Роща между тѣмъ наполнилась уже народомъ. Вездѣ встрѣчались пьяные. Большинство изъ нихъ еще стояло на ногахъ, а много и лежало ужь подъ кустами. Въ болѣе глухихъ мѣстахъ играли въ орлянку, причемъ шла страшная руганя и крикъ. При словѣ «становой идетъ» игроки разбѣжались въ разныя стороны. Къ главному мѣсту, куда собирается вся гуляющая публика, вереницами тянулись разодѣтыя дамы и мужчины. Но аристократии не было еще видно. Передъ бесѣдкою, называемою здѣсь «вокзаломъ», стояли и лежали плебеи, ожидая, когда явятся патриціанскія фамиліи и начнутся, подъ музыку, благородныя упражненія. По главной аллеѣ выстраивалась въ нѣсколько рядовъ приходящая публика, образуя изъ себя длинныя и пестрыя линіи; эта публика стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ и глядѣла на бесѣдку. Такъ прошло съ часъ.

— Что же изъ этого будетъ? спросилъ я своего знакомаго, съ которымъ пришелъ въ боръ,—такъ и стануть все стоять на одномъ мѣстѣ?

— Погодите немного: увидите, что будетъ.

Черезъ нѣсколько времени явились музыканты, неся въ рукахъ и на раменахъ свои инструменты. Начали подѣзжать экипажи и поднялась страшная пыль, не уступающая классической пыли Петровскаго парка и Сокольниковъ. Прошло еще немного времени. Публика вся въ пыли. Вдругъ въ бесѣдкѣ что-то заняло: это оркестръ грянулъ сигналъ къ кадрили. Толпы народа рванулись туда, я—за ними. Гляжу и не вѣрю глазамъ: скромная бесѣдка превратилась въ величественный Олимпъ! Что за роскошь и пышность въ костюмахъ! О, почему я не владѣю перомъ доблестнаго Пановскаго, этого великаго и искуснаго мастера изображать дамскія платья и юбки! Владѣй я такимъ золотымъ перомъ, и я со всеми подробностями описалъ бы каждое платье, въ которомъ была одѣта каждая богиня, описалъ бы и цвѣтъ его и отдѣлку, причемъ не забылъ бы также и ширину его, а талантливый и остроумный сотрудникъ «Антракта» переложилъ бы все это въ стихи и вышло бы тогда въ совокупности нѣчто прекрасное и граціозное, но и не безъ элемента забирательнаго. Но грозный Зевсъ не далъ мнѣ желаннаго и дорогаго пера, а потому я и не могу достойнымъ образомъ описать наряды ивановскихъ аристократокъ.... Я не скажу и о пустотѣ, какую занимаетъ и обхватываетъ роскошное платье каждой аристократки. Продолжаю. Боги важно сидѣли на скамейкахъ и вели сладковзвучныя рѣчи съ богинями, изрѣдка лишь удостоивая стоящихъ и лежащихъ на землѣ смертныхъ короткими взглядами; богини улыбались и съ нѣжностью устремляли свои взоры на боговъ.

Заиграла музыка. Олимпійцы встали и начались танцы. Смертные стояли, глядѣли и умилялись.

— Хорошо! говорила подлѣ меня стоящая дама.

— Што говорить! произнесла другая.

Кончилась кадрили, началась полька. Смертные, лежавшіе на землѣ, стали одинъ за другимъ подниматься и становиться на корточки. Между ними слышались сдержанные голоса.

— Эко диво, братецъ мой, до чего только человекъ не дойдетъ!

— А-а! и ногами, и головой выкидываетъ... Удивленіе!

— Удивленіе!

Я стоялъ и глядѣлъ, глядѣлъ долго и пристально. Я замѣтилъ, между величественными лицами богинь, одно простое челсвѣческое лицо молодой дѣвушки, которое приковало къ себѣ мой взоръ. Это лицо не имѣло ничего особеннаго, его даже нельзя было назвать красивымъ, но въ немъ столько было разлито доброты, и глаза такъ хорошо смотрѣли на все, что невольно являлось желаніе подойти къ самой дѣвушкѣ и сказать ей тихо: «вы улыбаетесь, добрая дѣвушка, но вамъ здѣсь скучно, вы понимаете пошлость разговора окружающихъ, но здѣсь кромѣ украденныхъ изъ книжекъ фразъ и пошлости вамъ ничего нельзя услышать, вы чувствуете бездонную пустоту этой жизни, но вамъ нечѣмъ посплнить и свою личную жизнь и нѣтъ вамъ изъ нея никакого выхода»....

— На кого вы такъ засмотрѣлись? спросилъ меня сосѣдъ, господинъ, котораго я не имѣлъ чести знать.

— А вотъ на этого господина, совралъ я, указывая головой на какого-то олимпійца,—кто онъ?

— Это очень образованный человекъ, отвѣчалъ со-
сѣдъ и назвалъ фамилію олимпійца,—онъ танцуетъ!

— Такъ.

— А вы танцуете?

— Не танцую.

Сосѣдъ посмотрѣлъ на меня не то съ недоумѣніемъ,
но то съ презрѣніемъ, но видно было, что онъ думалъ:
«э! такъ ты, братъ, не далеко же ушелъ, коли танцо-
вать не умѣешь!»

— Можно здѣсь чего напиться? обратился я съ во-
просомъ къ своему знакомому.

— Нельзя! Здѣсь всѣ съ своими самоварами пріѣзжа-
ютъ чай пить.

— Ну хоть отдохнуть нельзя ли, посидѣть гдѣнибудь?

— Во всемъ бору одна скамейка только и есть, да
и та занята.

— Ну такъ пойдете куданибудь!

Мы пошли гулять по рошѣ. На встрѣчу намъ попа-
дались разряженные толпы, коляски, пролетки. Дамы, спя-
щія въ экипажахъ, при встрѣчѣ съ нами чему-то улы-
бались, а другія страшно тарачили глаза.

— Что это съ ними? спрашивалъ я.

— Любопытствуютъ, отвѣчалъ знакомый,—новаго че-
ловѣка видятъ.

— Часто у васъ бываютъ подобныя гулянья?

— Каждое воскресенье, а иногда и по праздникамъ.

— И все одно и тоже повторяется каждый разъ?

— Нововведеній никакихъ не полагается: одно и тоже
всякій разъ. Вотъ только вечеромъ—это ужъ во второй
разъ нынѣшнимъ лѣтомъ—будетъ фейерверкъ.

Намъ встрѣтилась та дѣвушка, которую я видѣлъ на
Олимпѣ. Она шла съ какими-то дамами. Дѣвушка взгля-
нула на меня такъ ласково и симпатично, что я чуть
было не снялъ свою шляпу и не отдалъ ей поклона.
Послѣ я встрѣчалъ ее нѣсколько разъ, и всякій разъ она
глядѣла на меня все такимъ же взглядомъ, а я всякій
разъ покушался снять шляпу и поклониться ей, но знаніе
свѣтскихъ приличій никакъ не допустило меня до этого.
Встрѣтили мы еще какихъ-то двоихъ господъ, которые,
какъ только завидѣли насъ, направили на меня глаза и
долго глядѣли, а когда прошли, то одинъ спросилъ:

— Ты не знаешь, што это за стракулисть у насъ
здѣсь появился?—Что отвѣчалъ другой, я не слыхалъ. Под-
ходя къ рѣчкѣ, протекающей по окраинѣ роши, мы уви-
дѣли гуляющихъ по берегу сельскихъ дѣвушекъ, которыя
пѣли:

Афицеръ ва полѣ,

А-а-фи-церъ ва полѣ!

Ну, што-жь кому дѣло....

Скоро мы опять вернулись къ Олимпу. На Олимпѣ по
прежнему царило величіе, небожители танцовали, музыка
играла также уныло, по временамъ даже завывала, что
въ сердцахъ многихъ смертныхъ поселяло нѣкое безо-
койство, но не умаляло ни веселія, ни красоты, ни тор-
жественности олимпійскихъ игръ. Нѣкоторые изъ смерт-
ныхъ, въ началѣ сего зрѣлища изъявлявшіе удивленіе къ
искусству олимпійцевъ, теперь сами пустились подражать
богамъ и, хотя не совѣмъ граціозно, но на первый разъ
довольно удовлетворительно и картинно танцовали на травѣ,
въ виду Олимпа.

— Да не надо, не надо въ присядку, Микишка! оста-
навливалъ одинъ изъ танцующихъ на травѣ своего vis-à-
vis, пустившагося выдѣлывать соло въ присядку.—Ты
подходи тихимъ шагомъ къ Васькѣ, немного ногой отки-
дывай, бери Ваську за руку, и веди его на другу сто-
рону. Вотъ и выдетъ у насъ по ихнему!

— Наплевать! задыхающимся голосомъ говоритъ Ми-
кишка, не оставляя своего пляса,—я сперва такъ, а по-
томъ и тихимъ шагомъ пройдуся.

— Пляшите, жуки, а завтра хозяева штрафъ на васъ
запишутъ, замѣтилъ кто-то со стороны.

Раздался пушечный выстрѣлъ. Это означало, что скоро
зажгутъ фейерверкъ. Густыя толпы народа хлынули къ
поланѣ, гдѣ былъ приготовленъ фейерверкъ и надѣланъ
особыя мѣста для публики. Раздался еще выстрѣлъ,—
другой, третій и т. д. Пушечная пальба шла минутъ
двадцать. Во все это время народъ не переставалъ ва-
лить со всѣхъ сторонъ: изъ Иванова, изъ посада и изъ
окрестныхъ деревень; вся эта громадная, состоящая изъ
нѣсколькихъ тысячъ человекъ, масса покрыла всю поляну
и живой стѣною со всѣхъ сторонъ окружила изгородь, за
которою находились особыя мѣста съ платою, оставав-
шіеся не занятыми; всѣ нетерпѣливо ждали «начала.» На-
конецъ Олимпъ опустѣлъ и боги спустились на землю и
заняли мѣста съ платою.—Пустили ракеты. Возобнови-
лась пушечная пальба. Зажгли фейерверкъ.

— «Дамскій капризь!» раздался голосъ устроителя
фейерверка, г. Черномоенцова.

Публика начала перелѣзать черезъ перила, чтобы за-
сѣсть бесплатно на пустыя скамейки, но встрѣтила пре-
пятствіе со стороны полиціи и была послѣднею съ позо-
ромъ изгнана обратно назадъ.

— «Взрывъ турецкой крѣпости!» слышался опять го-
лосъ г. Черномоенцова.

— Што онъ сказалъ?

— «Взрывъ турецкой крѣпости.»

— А прежде?

— «Дамскій капризь.»

— Народецъ! Придумаютъ же какъ и назвать.

— Это, надо полагать, онъ на чей ни то счетъ изъ
здѣшнихъ дамъ сказалъ!

— Пожалуй што и такъ.

Турецкую крѣпость рветъ, музыка старается выразить
нѣчто подходящее этому взрыву, но выходитъ что-то пла-
чевное.—У перилъ показывается Гриша, онъ же и красная
рожа. Онъ хочетъ пройти къ скамейкамъ, но сотскій
его удерживаетъ.

— Пропусти! гогоритъ Гриша.

— Здѣсь за деньги сидятъ,—отвѣчаетъ стражъ.

— Ну еще за дѣньги! Чай, можно и такъ поглядѣть?

— Да съ васъ и не берутъ ничего: стойте тутъ да
и глядите сколько угодно.

— А я не хочу стоять, хочу сѣсть.

— Билетъ возьмите!

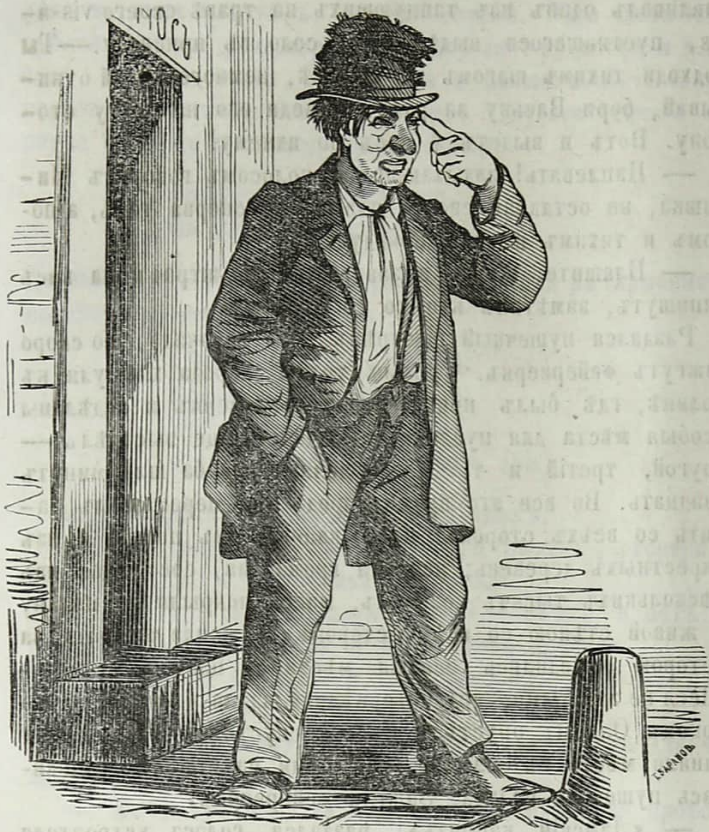
Гриша заругался.

— «Вадонадъ Ніагара!» Возглашаетъ г. Черномоенцовъ.

— Што онъ сказалъ?

— А чортъ его знаетъ!

Фонтанъ бьетъ, музыка положительно рыдаетъ, Гриша
пуще ругается, а народъ кругомъ кричитъ... у-урра!
Раздается пушечный выстрѣлъ и все кончается.

— Вѣдь есть же такіе стасливцы, которыхъ по рождѣ дупать: а меня, какъ на смѣхъ—пальцемъ никто не задѣнетъ. А интересно было бы получить цѣлковыхъ 25 сразу: оплеухи по двѣ въ день—и черезъ годъ большой капиталъ въ карманѣ.

— Вы не понимаете, что значить искусство, торгуя такою дрянью!

— Извините, я очень понимаю: надо очень много искусства, чтобы продать эту вещь.

Отправляемся въ Иваново.

Въ одной изъ крайнихъ къ рождѣ улицъ, въ такъ называемой Удинской, на протяженіи вертеы или полуторы, снуютъ взадъ и впередъ толпы молодыхъ людей и дѣвушекъ: это гулянье на улицѣ чисто народное, безъ всякой примѣсы аракстократическаго элемента. Дѣвушки и парни гуляютъ съ пѣснями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передъ домами, водятъ хороводы.

— Што же, Матрена Васильевна,—говорилъ юноша одной дѣвушкѣ въ толпѣ, стараясь идти съ нею рядомъ, можно вамъ съ нами время раздѣлить?

— Не приставайте къ намъ, пожалуйста, — гнѣвно отвѣчала Матрена Васильевна и не глядя на любезнаго кавалера:—у насъ своя дѣвичья компанія, а вы намъ не товарищи!

— Напрасно вы такъ полагаете,—не отступалъ кавалеръ, — низости вамъ съ нами идти никакой не будетъ. Напрасно только вы такъ носъ подымаете, Матрена Васильевна; съ гордостью своей вы никакого вниманія себѣ не заслужите. Повѣрьте-съ!

Матрена Васильевна, вмѣсто отвѣту юношѣ отвернулась къ дѣвушкамъ и сказала:

— Ну-ка-те, дѣвушки, заюемте пѣсенку! и первая сама запѣла, а подруги подхватили:

Сколько разъ я зарекался
Дѣвушекъ любить,
Въ одну барышню влюбился,
Не могу ее забыть.

По были дѣвушки и снисходительнѣе Матрены Васильевны, которыя не отказывали кавалерамъ въ желаніи раздѣлить съ ними время. Я слышалъ, какъ одна изъ такихъ снисходительныхъ дѣвушекъ говорила въ полголоса:

— Мы съ Фаней приведемъ подругъ, а сами однѣ и пойдемъ домой. Вы ступайте за нами назадъ, и какъ только пройдемъ глѣ много народа, вы съ Вукаломъ Андреичемъ и подходите къ намъ: мы прогуляемся боромъ. Волки, чай, не заѣдятъ насъ?

— Ладно,—соглашался кавалеръ:—мы сами волкамъ не уступимъ!

Надо замѣтить, что такихъ снисходительныхъ дѣвушекъ въ русскомъ Манчестерѣ гораздо больше, чѣмъ гордыхъ....

Гулянье въ улицахъ продолжается до самаго разсвѣта. Передъ концомъ отдѣльныя группы мужчинъ и дѣвушекъ соединяются, образуются пары и расходятся по разнымъ направленіямъ. Во время этого гулянья происходитъ множество дракъ, по улицамъ вездѣ натыкаешься на пьяныхъ. Полиція работаетъ....

Шалости дачнаго зефира.

Отець. (читаетъ аттестацію). Изъ Исторіи 4, изъ Географіи 0. Это почему?

Сынъ. Мы не учились, потому что одинъ ученикъ читалъ въ газетахъ, что за границей новую географію Европы составляютъ; такъ мы и ждали курса.

Я много имѣлъ бы сказать еще, но тороплюсь скорѣе закончить, чтобы не утомить тебя, добрый читатель. Къ тому же, я знаю что ты горюшь желаніемъ услышать отъ меня что нибудь о московской жизни. Я чувствую это и глубоко признателенъ тебѣ, вслѣдствіе чего и тороплюсь закончить свой разсказъ о с. Ивановѣ. Но я позволю себѣ познакомить тебя съ однимъ поэтическимъ произведеніемъ мѣстнаго поэта.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ русскаго Манчестера, я зашелъ въ фотографію г. Кокушкина, съ цѣлью снять свой образъ и оставить его въ воспоминаніе своего пребыванія въ Ивановѣ гостепріимнымъ туземцамъ. Входя по лѣстницѣ, я замѣтилъ на площадкѣ послѣдней какого-то господина, который сидѣлъ на обломкѣ стула и что-то писалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги. Онъ имѣлъ вдохновенный взоръ и небольшую бородку; одѣтъ господинъ былъ въ ветхое платье, чуть не въ рубище. Мы вглянули другъ на друга и не сказали ни слова. Войдя въ приемную комнату фотографіи, я встрѣтилъ одного своего пріятеля, который привѣтствовалъ меня такъ:

— А, вотъ и онъ, кетати, что принесъ.—На-на, братъ, прочитай!

Пріятель подаль мнѣ листъ исписанной бумаги, сложенной въ осьмую долю. Я прочиталъ.

— Кто же авторъ этого стихотворенія? спросилъ я.

— А ты развѣ не видалъ его? Онъ тамъ на лѣстницѣ сидитъ.

Я изъявилъ желаніе познакомиться съ поэтомъ, но вошелъ мальчикъ, служащій при фотографіи, и подаль клочекъ бумаги.

— Что это? спросилъ пріятель и сталъ читать.— Ба! новое стихотвореніе, — продолжалъ онъ.—Гдѣ же этотъ господинъ?

— Онъ ушелъ-съ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Жаль!

Такъ мнѣ и не суждено было познакомиться съ поэтомъ!

Первое стихотвореніе, которое я прочиталъ, заключало въ себѣ поэтическое описаніе гулянья въ бору и озаглавлено такъ: «Письмо. Гулянье въ бору 22-го мая 1866 года.» Изъ этого фельетона въ стихотворной формѣ, кромѣ любопытныхъ подробностей, относящихся до главнаго предмета, я познаколся нѣсколько и съ личностью автора и его образомъ занятія. Изволите видѣть, авторъ «письма» не исключительно посвящаетъ все свое время служенію Аполлона, — онъ не глушется и другими занятіями; такъ напримѣръ, во время общественныхъ удовольствій, поэтъ стрѣлялъ въ бору изъ пушки.... Но пусть о всемъ разскажетъ онъ самъ.

Вдоль Иванова села
Разнеслась молва въ народѣ,
Что такого-то числа
Въ оживленнѣйшей природѣ

Зашумитъ сосновый боръ,
Загудитъ музыка громко,
Запоетъ пріятный хоръ,
Загорланитъ и Еремка.

Останавливаюсь, чтобы сдѣлать замѣчаніе. Личность Еремки, о которой поминаетъ поэтъ, по всей вѣроятности, швейцарская. На все мои вопросы объ «Еремкѣ», я ни отъ кого не могъ получить ничего удовлетворительнаго. Продолжаемъ:

Что-жь? на дѣлѣ такъ и шло:
Такъ что, въ двадесать второе
Мая мѣсяца число,
Было времячко жаркое.—

Такъ и поставлено: точка и шире.

Въ ароматный этотъ день
Собирались все въ дубраву,
Отдохнуть подъ хладну тѣнь,
Разгуляться на всю славу.

Здѣсь я опускаю четыре куплета, посвященные исключительно тѣмъ, «кто» шелъ въ этотъ день въ дубраву.

Не послѣдній изъ зѣвакъ
Съ пушкой я туда-жь явился,
Изъ нея чтобъ всемъ дать знакъ,
Что процессъ забавъ открылся.

(Это стихотвореніе посвящено одному мѣстному жителю, за которое поэтъ и получилъ въ награду 3 руб. сер.)

Кто-жь виною былъ утѣхъ,
И веселья, и гулянья?—
Составляла больше всехъ
Милыхъ купчиховъ кампанья!
Вотъ является къ намъ вдругъ
Сергій Никоничъ Гарелинъ,
Общій всехъ утѣха, другъ—
Безъ прислуги и безъ фрейлинъ.

Слово «фрейлинъ» вѣроятно употреблено поэтомъ для одной рѣшмы.

Призываетъ онъ меня,
Приказалъ палить изъ пушки,
Чтобъ веселаго имъ дня
Не оставить безъ игрушки.

Дальше я не выписываю, находя совершенно достаточнымъ и этого, чтобы судить о цѣломъ произведеніи.

Затѣмъ я прощаюсь съ Ивановымъ и посылаю ему глубокую благодарность за все, что я въ немъ видѣлъ: я никогда не забуду его! Надѣюсь, что я буду еще имѣть случай когда нибудь поговорить о русскомъ Манчестерѣ. А теперь до свиданія!

Нескажуся.

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ МОСКВѢ

Хоть океанами земные
Материки раздѣлены;
Но тамъ и здѣсь сердца народовъ
Однимъ огнемъ оживлены.

Связать тѣснѣй межъ нами узы
Черезъ океанъ пришли мы къ вамъ
Въ пловучей башнѣ—этомъ чудѣ,
Досель невѣдомомъ морямъ.

И тщетно бури изрывали
Вокругъ нея морей просторъ,
Она неслась—ужь обогнула
Старинный, бурный Эльсиноръ.

И вотъ невѣста Бога бури
Ужь развила свой звѣздный флагъ,
Уже съ улыбкой грозныхъ пушекъ
Глядится въ Невскихъ здѣсь водахъ.

Но громовержица цвѣтами,
Оливой мира убрана
И передъ русскою столицей
Стоитъ привѣтливо она.

Въ своихъ желѣзныхъ, темныхъ нѣдрахъ
Отъ дальней родины своей
Она несла не рудъ богатства
Не плодъ ремесль, не плодъ полей.

Дыша огнемъ, лети какъ птица,
Она несла къ вамъ въ старый свѣтъ
Американскаго народа
Народу русскому привѣтъ—

За то, что въ дни, когда казалось,
Конца надъ нами нѣту тучъ,
Одинъ лишь съ сѣвера отраднѣй
Упалъ къ намъ дружественный лучъ.

Въ отвѣтъ на этотъ лучъ ораднѣй
Теперь, когда прошла гроза,
И надъ воскресшимъ новымъ свѣтомъ
Опять сияютъ небеса,

Все, что съ улыбкой и слезами
Возможетъ сердце лишь сказать,
Намъ отъ великаго народа
Поручено вамъ передать. (*)

Такъ привѣтствовали насъ заатлантическіе наши друзья... И это искреннее привѣтствіе этотъ откликъ дружескаго сердца приходится намъ слышать теперь отъ членовъ чрезвычайнаго посольства. То, что выпало на долю слышать намъ, то, что чувствовалось въ эти минуты: одушевленіе общества, оживленіе Москвы пріѣздомъ дорогихъ гостей, освѣщеніе многихъ драгоценныхъ сторонъ нашей жизни, получившей особый характеръ, новый отбѣнокъ,—не только стоитъ, но должно быть занесено въ каждый печатный листокъ, издающійся въ Москвѣ, и прочитано всеми, кто умѣетъ читать.

Поводъ пріѣзда этого посольства извѣстенъ, онъ напоминаетъ злополучное событіе 4-е Апрѣля, которое, какъ выразился одинъ изъ гласныхъ Думы И. А. Ляминъ на обѣдѣ 13-го Августа, хотѣлось бы истребить изъ памяти, вычеркнуть изъ ряда событій, по едва ли и сами Американцы и все русское общество

(*) Переводъ А. Н. Майкова.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
каѣ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ДОЛЯ БѢДНЯКА

Эхъ ты доля, эхъ ты доля,—
Доля бѣдняка!
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,—
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?

И не твой ли, полъ горою,
Сгнилъ, упалъ овинъ,—
Въ запусьломъ огородѣ
Повалился тынъ?

Не твоей ли прокатили
Полосой пустой

МОЙ ДНЕВНИКЪ

(замѣтки общественныя литературныя и ныя).

Какъ на жизнь глядѣть Шекспиръ и какъ гляжу на нее я. — Богатство ныи. — Народный праздникъ въ Сокольникахъ. — О посѣщеніи Американцевъ Москвы. — У г. Брауна и на новомъ гуляньѣ. — Народныя привѣтствія и разговоры. — Посѣщеніе членами посольства большого театра. — Печальное положеніе оркестра и бѣгство капельмейстера. — Заключение.

Жизнь — заглохшій, старый садъ, — говорятъ Шекспиръ устами Гамлета, принца Датскаго. — Жизнь — роскошная и вѣчно обильная нива, плоды которой пожинаетъ отважный фельетонистъ нашихъ дней, — говорю я и собственными устами. Которая изъ этихъ двухъ метафоръ величественнѣе, предоставляю рѣшить ареопагу безпристрастныхъ и многоученыхъ мужей нашей просвѣщенной страны, равно и другихъ странъ всего образованнаго міра; но за собою я удерживаю право сказать, что послѣдняя метафора, т. е. собственная моя, вѣрнѣе и нагляднѣе представляетъ современную жизнь, и потому она достойна и вполне заслуживаетъ того, чтобы украшать, въ видѣ эпиграфа творенія нашихъ отечественныхъ писателей.... Я, по скромности, хотя и не имѣю чести принадлежать къ числу вышереченныхъ фельетонистовъ, но плоды съ благодатной нивы собирать могу, что наиблестательнѣйшимъ образомъ сейчасъ и докажу моему благородному читателю (своихъ читателей иначе я и не восбражаю, какъ благородными.)

И вотъ я на нивѣ. Я не могу, при видѣ отягченной плодами нивы, чтобы, не воскликнуть еще въ дѣтствѣ заученныхъ стиховъ:

Нива моя, нива,

Нива золотая!

Зрѣешь ты на солнцѣ,

Колосъ наливая!

И отъ одной мысли, что всѣ эти золотые колосья я буду срывать своей рукою, душа моя наполнилась восторгомъ, а очи увлажнились благодарной слезою.... Читатель! вручи мнѣ не смущаясь свою руку и слѣдуй за мною безъ опасенія!

Мы въ Сокольникахъ, на народномъ гуляньѣ съ иллюминаціей. Читатель знаетъ, въ честь кого было устроено это гулянье. Да-съ, въ Россію прибыли члены чрезвычайной миссіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ, а если они прибыли въ Россію, то всенепремѣнно должны были посѣтить и Москву; безъ посѣщенія Москвы они не составили бы себѣ и вѣрнаго понятія о Россіи. Быть въ Россіи и не видѣть Москвы значило бы одно и то же, что быть въ Римѣ и не видать папы. Члены чрезвычайной миссіи знали это и пріѣхали

въ Москву. Наша древняя столица встрѣтила гостей съ распростертыми объятіями, и устроила въ честь ихъ пріѣзда нѣсколько праздниковъ. Петербургскія газеты, всегда враждебныя къ Москвѣ, и на этотъ разъ не преминули уколоть старушку, заявивъ нѣкое сомнѣніе относительно должнаго пріема москвичами членовъ американскаго посольства; но Москва, на зло петербургскихъ врагомъ, съумѣла принять «заатлантическихъ друзей» и показала себя во всемъ блескѣ и величіи своей красоты. Какія хорошія рѣчи произносились на обѣдахъ, на которыхъ присутствовали гости, какое обиліе яствъ и питій было на тѣхъ же самыхъ обѣдахъ, какая иллюминація... да всего и припомнить невозможно. Въ Зоологическомъ саду, въ первый день пріѣзда гостей, цѣлый часъ горѣлъ одинъ фейерверкъ, подъѣздъ генераль-губернаторскаго дома былъ такъ роскошно иллюминированъ, что не предстояло больше никакой надобности иллюминировать даже тѣ улицы, по которымъ проѣзжали гости, но не смотря на это улицы еще были освѣщены фонарями. На другой день гости обѣдали въ Думѣ, гдѣ однихъ цвѣтговъ для убранства залъ было слишкомъ на двѣ тысячи, а кто желалъ участвовать въ этомъ торжествѣ, — платилъ 25 р., обѣдъ состоялъ изъ 20 блюдъ и продолжался 6 часовъ.... Я глубоко скорблю, что не имѣлъ чести присутствовать на этомъ обѣдѣ и сказать теплое слово нашимъ «заатлантическимъ друзьямъ»: отсутствіе 25 р. въ карманѣ лишило меня этого счастья!... Впрочемъ, читатели начего не потеряли отъ пустоты моего кармана: въ прошломъ № «Развлеченія» думскій обѣдъ краснорѣчиво и съ чувствомъ былъ описанъ г. А. У., который, какъ видно, самъ присутствовалъ на этомъ обѣдѣ.... Но что я дѣлаю, — Боже! вмѣсто описанія народнаго праздника въ Сокольникахъ, я говорю объ обѣдѣ въ Думѣ и описаніи послѣдняго г-мъ А. У?

Народное гулянье 15 августа удалось какъ нельзя болѣе и представляло зрѣлище грандіозное. Публика наполняла буквально всѣ Сокольники, — никакое первое мая не могло, по стеченію гуляющихъ, сравниться съ этимъ днемъ! Въ началѣ аллеи, идущей отъ заставы къ бесѣдкѣ на новое гулянье, красовались ворота, съ дорогими надписями для сердца Американцевъ и Русскихъ; въ нѣсколькихъ пунктахъ помѣщалась оркестры военной музыки и хоры военныхъ пѣсенниковъ; по обѣимъ сторонамъ главныхъ аллей были протянуты проволоки, съ стаканчиками для иллюминаціи.... Въ осьмомъ часу посольство подъѣхало къ саду г. Брауна. Нечего и говорить, сколько было въ саду публики! Оркестръ г. Гене встрѣтилъ членовъ посольства гимномъ *Nail Columbia*, исполненнымъ довольно хорошо.

Садъ г. Брауна въ этотъ вечеръ былъ необыкновенно хорошъ: тысячи разноцвѣтныхъ огней, гирлянды изъ зелени, хрустальные искры и электрическое солнце, освѣщавшее главную площадку, придавали всему окружающему какой-то фантастическій, почти волшебный видъ. При такой обстановкѣ самыя лица присутствующихъ казались лучше, добрѣе и свѣтлѣе! Г. Страусъ, чревовѣщатель и силачъ, и г. Горбуновъ казались еще болѣе усиливали элементъ волшебнаго: первый—своимъ глотаніемъ кинжаловъ, второй—разказами сценъ изъ русскаго быта. Отъ г. Брауна гости отправились на Новое гулянье, гдѣ, какъ только вышли изъ экипажей, были встрѣчены громкимъ «ура», маханіемъ платковъ, шляпъ и другими привѣтствіями. И здѣсь военный оркестръ игралъ американскіе гимны, а хоръ пѣсенниковъ пѣлъ какую-то «тройку». Во все время, пока гости находились въ бесѣдкѣ—пили чай привѣтствія не умолкали и бесѣдка со всѣхъ сторонъ была озаждаема народомъ. Все было весело, оживлено и освѣщено. Кругомъ шелъ говоръ.

— Видѣлъ Американцы-то какіе? спрашивалъ одинъ въ толпѣ у сосѣда.

— Чтожь, образъ у нихъ такой же, какъ и у насъ, — отвѣчалъ тотъ.

Мастеровые, на ходу говорили:

— Вотъ это чудесно, што народъ «ура» кричитъ!

— Русскому только поддай духу, а тамъ ужъ его не удержишь!

— Истинно! Ура!

Какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, говорилъ.

— Кричите: друзьямъ нашимъ «ура»!... Ну?...

— погоди!

— Чего годить! кричите: друзьямъ нашимъ «ура»!

— Нашимъ ура!...

Изъ бесѣдки часть посольства отправилась въ Москву, другая обратно къ Брауну. При этомъ свамейки, на которыхъ стояли любопытные, были опрокинуты и многія поломаны, а зрители, забравшіеся въ ожиданіи прихода членовъ посольства въ бесѣдку, на деревья—полетѣли въ низъ. Среди привѣтствій и криковъ, Американцы шли безъ шляпъ и фуражекъ, раскланиваясь съ народомъ. Въ толпѣ заговорили:

— Видишь, кланяются намъ.

— Это они благодарятъ насъ.

— Вѣрно.

Вечеръ въ саду г. Брауна закончился великолѣпнымъ фейерверкомъ, какого Москва въ нынѣшнемъ году врядъ ли гдѣ видѣла, и освѣщеніемъ всего сада бенгальскимъ огнемъ. Кто былъ въ тотъ вечеръ у г. Брауна, тотъ долго не забудетъ его....

На другой день члены посольства посѣтили боль-

шой театръ. Во время антракта публика спѣшила въ фойѣ, чтобы посмотрѣть на дорогихъ своихъ гостей. Послѣ одного изъ дѣйствій оперы «Жизнь за Царя», артисты пропѣли русскій гимнъ. Гости потребовали повторенія. Публика, восхищенная этимъ требованіемъ, пожелала исполненія американскаго гимна Nail Columbia. Отвѣтомъ на это желаніе со стороны оркестра было молчаніе. Публика возобновила требованіе. Капельмейстеръ оставилъ свое мѣсто и скрылся. Тогда крики: «Nail Columbia!» «американскій гимнъ!» до того усилились, что стѣны зданія, казалось, должны были потрясти въ своемъ основаніи. На аванъ-сцену вышелъ господинъ и объявилъ, что «музыки такой въ театрѣ нѣтъ». Едва онъ произнесъ свою краткую рѣчь, какъ по всему театру пронеслось громкое «плохо!» Затѣмъ опять былъ исполненъ русскій гимнъ. Послѣ русскаго гимна снова раздались крики «Nail Columbia!» и долго не умолкали.... Члены чрезвычайнаго посольства видимо были растрѣганы и оставили театръ, не дождавшись конца спектакля.

Теперь наши «заатлантическіе друзья» въ Нижнемъ. Вѣроятно они и тамъ посѣтятъ ярмарочный театръ. Любопытно бы знать: сыграетъ театральныи оркестръ ярмарочнаго театра «Nail Columbia» или нѣтъ!

И такъ, благодаря пріѣзду чрезвычайнаго посольства Сѣверо-американскихъ Штатовъ, Москва цѣлую почти недѣлю праздновала, на цѣлый мѣсяцъ будетъ имѣть матеріалъ для разговора, а наши газеты по крайней мѣрѣ полгода стануть наполнять свои столбцы свѣдѣніями объ этомъ пріѣздѣ. Вѣроятно и наши «заатлантическіе друзья» не забудутъ своего посѣщенія Россіи вообще и Москвы въ особенности.... «Свѣтопрелитіе дружбы» ясно, по словамъ В. А. Кокорева, а что будетъ дальше—увидимъ!

На сегодняшній разъ я и ограничусь только этимъ, а другое оставимъ до слѣдующаго раза.

Нескажуся.

МЕЧТЫ. МЕЧТЫ И ПР.

Рубли, рубли!

Куда вы дѣлись?

Вы унесли

Всей жизни прелесть!

Все пьянъ, да пьянъ,

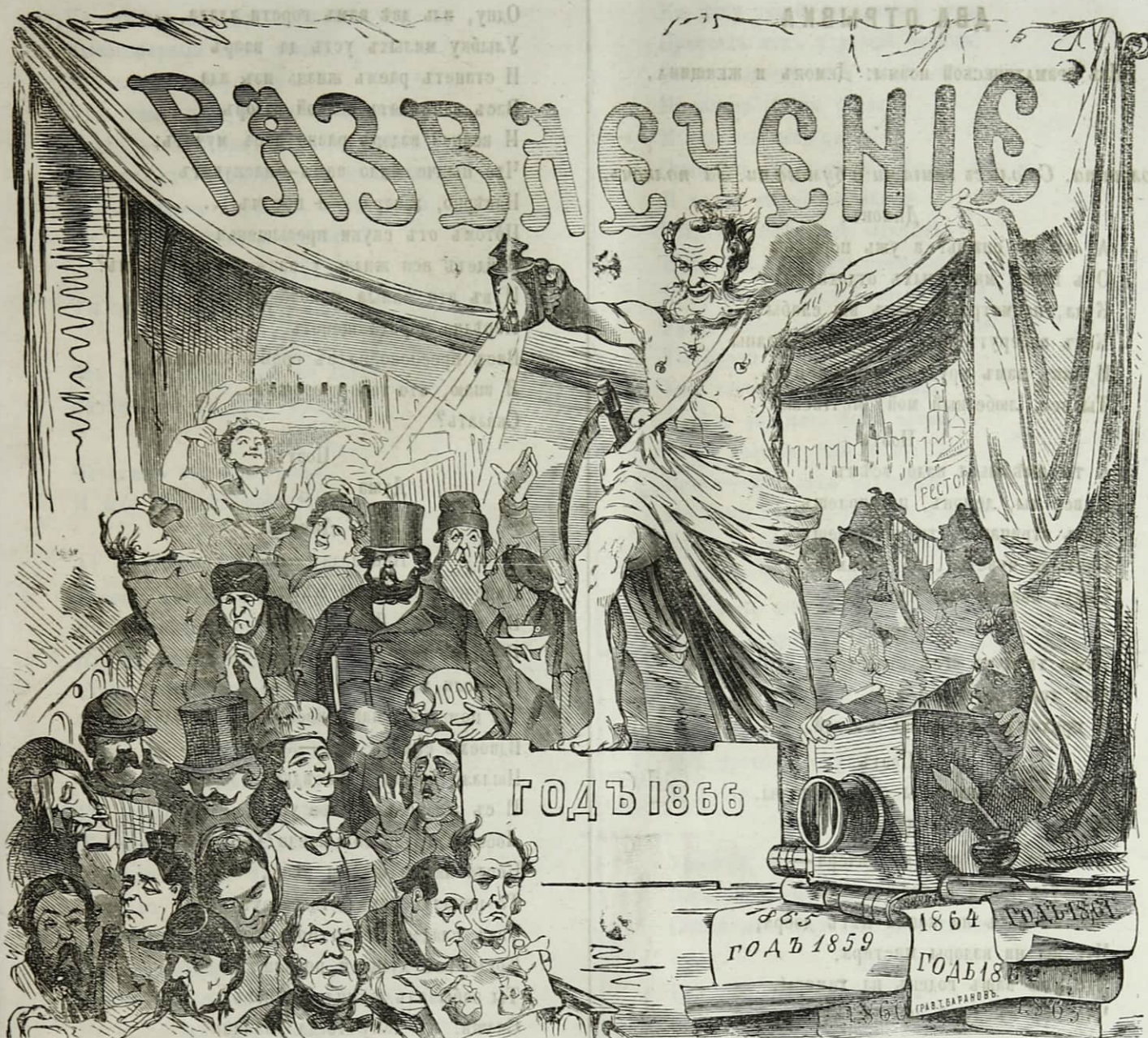
Вездѣ обманъ,

Тоска, бездѣлье,

Томить похмѣлье

И пусть карманъ.

О. М.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

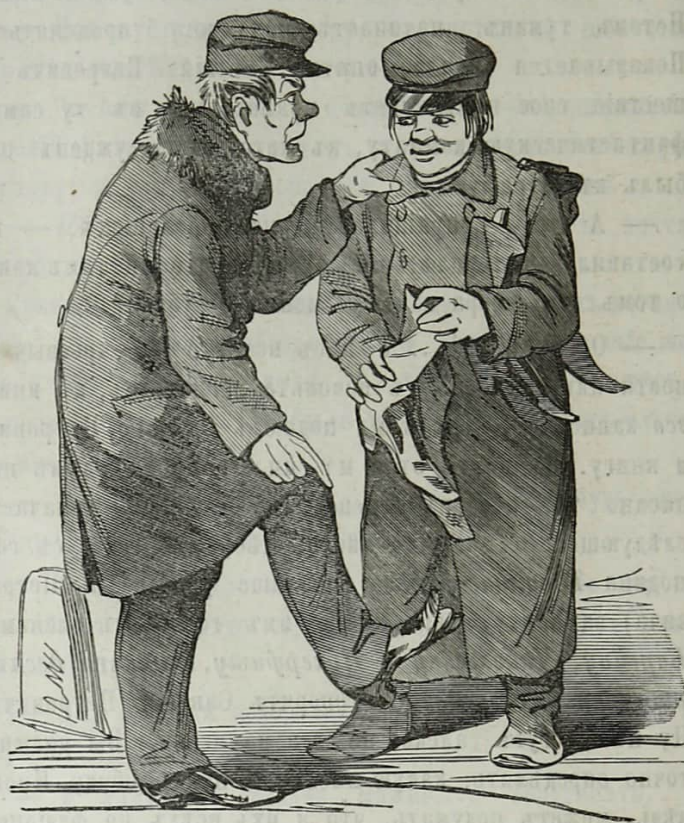
въ 1867 году. (Годъ девятый).

Развлечение будетъ выходить въ 1867 году по той же программѣ, въ тѣ же сроки, т. е. 1 разъ въ недѣлю, и при тѣхъ же условіяхъ. Подписываться можно:
ВЪ МОСКВѢ: въ Конторѣ журнала Развлечение; въ Газетной экспедиціи моск. почтамта; у книгъпродавцевъ: А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева, Салаевыхъ, Анисимова, Ушакова, Черенина, Улитиныхъ, Свѣшниковъ и Кольчугина.
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: у А. О. Базунова, М. О. Вольфа, Овсянникова и Кожанчикова.
ВЪ КАЗАНИ: у Кожанчикова и Четвергова.
 Цѣна журнала: въ Москвѣ 3 р. 50 коп.; съ пересылкою въ города 5 р. с.
 За доставку на домъ въ Москвѣ прилагивается 1 р. с.

Издатель—редакторъ *О. Миллеръ.*

— А долго ли твои сапоги проносятся?
 — За два года ручаюсь!
 — Да какъ же ты можешь ручаться?
 — По себѣ знаю, потому самъ ношу.

ЧЕРЕЗЪ НЕДѢЛЮ

— Вотъ ты ручаешься за два года, а сапоги и недѣли не проносились!
 — Да вы ихъ какъ носили-то?
 — Известно—какъ—на ногахъ.
 — Ну а я ношу ихъ на рукахъ.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

(Замѣтки общественныя литературныя и нынѣ).

Моя любовь къ осени. — Бенефисъ г. Колосова. — Комедія «Трутни». — Нѣсколько словъ о ней. — Игра артистовъ. — Новая дебютантка. — Новости журнальнаго міра. — Московская газета.

Не знаю, какъ ты, читатель, а я очень люблю осень. Славное время! Нужды нѣтъ, что съ наступленіемъ осени приходятъ къ намъ морозы, идутъ дожди и всякая пакость, отчего улицы нашей первопрестольной столицы какъ будто всѣ начинаютъ плакать, а мостовыя и тротуары своимъ лясканьемъ вопіюгъ къ благороднымъ пѣшеходамъ: ради Христа, не ходите! ъздите въ каретахъ! Это нисколько не уменьшаетъ прелестей осени и не уничтожаетъ тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые неумолчно звучать въ воздухѣ и которыми такъ богата наша родная осень. Но особенно я люблю осеннія ночи! Вотъ, примѣрно, настаетъ вечеръ, въ комнатахъ зажигаютъ лампу, кругомъ разливается мяг-

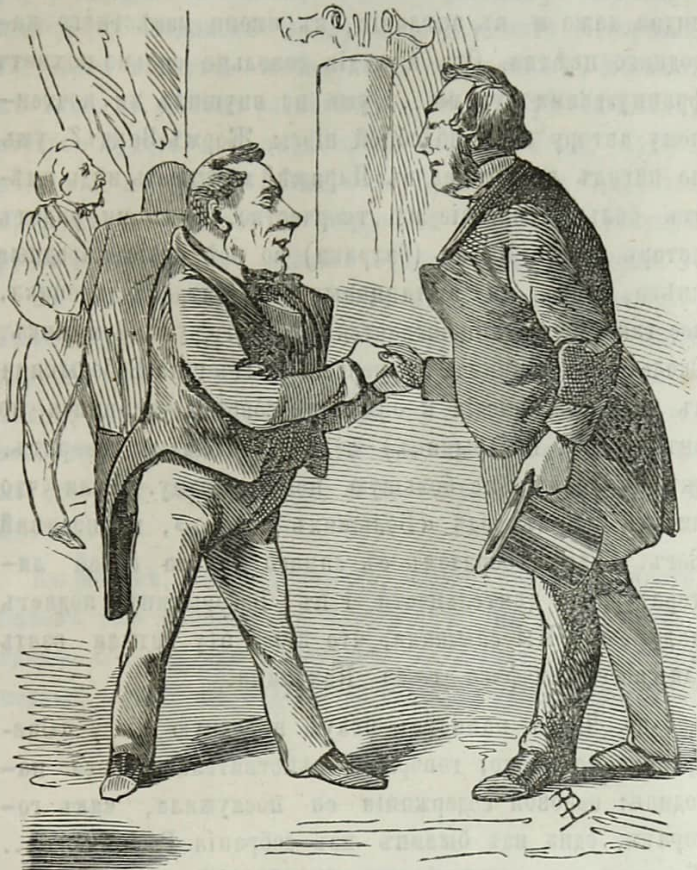
кій свѣтъ, отъ котораго темная ночь, показывающая свой мрачный ликъ въ окно, дѣлается еще темнѣе...

— Что же, сударь, разъ въ театрѣ сегодня не изволите ѣхать? раздается голосъ.

Оглядываюсь: мой вѣрный личарда!

— Время, сударь, время,—продолжаетъ онъ:—осьмой ужъ часъ идетъ... Ночьче представленіе, должно полагать, чудесное будетъ: бенефисъ г. Колосова...

Я торопливо одѣваюсь и лечу въ театрѣ, сопровождаемый напутственнымъ спичемъ Жан'а (онъ съ пріѣзда «заатлантическихъ друзей» постоянно донимаетъ меня спичами). Читатель знаетъ, что я до обожанія люблю искусство; поэтому ничуть не покажется утрированнымъ, что я съ замираніемъ сердца ждалъ лицезрѣть комедію «Les vieux garçons» Сарду, передѣланную на русскіе нравы г. Аттилемъ и окрещенную имъ въ прозелитизмъ «Трутнями». Читатель! я не буду тебѣ рассказывать содержанія этой комедіи: право не стоитъ. Это—французская чепуха, передѣланная на русскіе нравы и больше ничего. Къ чему же тутъ спраши-

ВЪ ГОСТИНИЦѢ

— Если, сударь, вамъ нужно, чтобъ васъ пораньше разбудили, такъ вотъ тутъ колокольчикъ, — извольте только позвонить.

Хозяинъ. Ахъ, какъ я радъ, что вы пожаловали! Я ужь думалъ, что вы не будете, и рѣшительно не зналъ, какъ составить нашу партію—съ болваномъ.

вать какого нибудь смысла? Ты будь доволенъ тѣмъ, что въ продолженіи трехъ часовъ видишь на сценѣ разныя лица, которыя приходятъ, говорятъ, хотя и не умно, но говорятъ, говорятъ и уходятъ, потомъ снова приходятъ, опять говорятъ и т. д. до самого конца пьесы. Ты видишь уродцовъ-мужей, дурковатыхъ «трутней», спящихъ женъ и просыпающихся за тѣмъ, чтобы сказать какую нибудь ерунду, и другія прелести въ подобномъ родѣ. Это какое-то особое зоологическое царство, особи котораго раздѣляются на двѣ категоріи: категорію полезныхъ (мужей и женъ) и категорію бесполезныхъ (холостяковъ «трутней»). Первые образуютъ «семейный очагъ», и вторые, не имѣя такового своего собственнаго, завидуютъ и трутся около чужаго «семейнаго очага».... Но довольно, довольно!

Нельзя, впрочемъ, не упомянуть объ игрѣ нѣкоторыхъ артистовъ въ этой по истинѣ диковинной и изумительной комедіи. Г-жа Фодотова, не смотря на всю пустоту своей роли, заставила своимъ прекраснымъ и симпатичнымъ талантомъ привлечь къ себѣ вниманіе публики. Столько въ игрѣ ея было естественности оду-

шевленія и выразительности, что совершенно позабывалось о невозможности существованія такой дѣвушки въ дѣйствительной жизни. И такой-то талантъ заставляютъ расходовать свои силы на подобныя роли! Ну, не преступленіе ли это? Игра г. Самарина (Новиковъ) ничего особеннаго не представляла: онъ выполнялъ свою роль по обыкновенію, ровно, плавно и хорошо. Но г. Шумевій, въ роли стараго, совсемъ немочаливагося холостяка, показалъ намъ, что, какъ ни была бы пуста и безсодержательна какая нибудь роль, истинный талантъ всегда сумѣетъ изъ нея сдѣлать нѣчто такое, что невольно заставитъ дрогнуть зрителя. Такъ, когда онъ является въ пятомъ дѣйствіи, обманутый и брошенный своею Мери, то при одномъ взглядѣ на эту хилую, истрепавшуюся и безпомощную фигуру становится жалко его. А когда онъ убитый садится, плачетъ и говоритъ: «обманула, убѣжала отъ меня.... Я убью его!» и вскакиваетъ съ мѣста, въ груди зрителя поднимается болѣзненное чувство и онъ говоритъ: а вѣдь Вербинъ все таки человекъ! Такова сила таланта. Объ игрѣ остальныхъ артистовъ я не

буду говорить, потому что могу далеко зайти, а времени мало. Что касается до игры самого бенефицианта г. Колосова, то нельзя не отдать ему чести въ томъ, что онъ взялъ себѣ самую скромную роль, которая такъ мало обязывала его говорить, что вся игра его прошла безъ всякаго слѣда, даже какъ будто онъ и не былъ на сценѣ. Спасибо ему за это!

Да, я позабылъ было сказать, что въ этотъ вечеръ шла еще комедія «Капризница», въ которой дебютировала воспитанница Зеликова. Что сказать объ игрѣ только что выступающей артистки? Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы уязвлять самолюбія юной артистки, но я не скрою, что игра ея въ роли Софіи Андреевны (капризницы) была суха, безжизненна и лишена всякой экспрессіи.... Можетъ быть г-жа Зеликова артистка и не безъ способностей, но роль, которую онъ взяла на себя, была не по ея средствамъ. Желательно, чтобы это было такъ.

Въ мирѣ журнальномъ новостей много. Во первыхъ вышли книжки двухъ новыхъ журналовъ: «Женскаго Вѣстника» и «Дѣла.» Обѣ книжки, какъ того, такъ и другаго журналовъ, составлены не дурно и представляютъ много интереса. Но съ ними, читатель я постараюсь тебя познакомить какъ-нибудь покороче. Затѣмъ слышно, въ концѣ года въ Петербургѣ выйдетъ сборникъ «Невскій Альманахъ.» Далѣе, скоро выйдетъ журналъ «Всемирный трудъ» — тоже въ Петербургѣ. Но въ Москвѣ выйдетъ ли чтонибудь новое? Какъ же выйдетъ: «Московская газета,» вмѣсто одного раза въ недѣлю, какъ она впрочемъ не выходила, будетъ выходить съ ноября по три раза въ недѣлю!... Говорятъ, что когда «Московская газета» станетъ показываться читателямъ по три раза въ недѣлю, то на Арбатѣ и въ Хлѣбномъ переулкѣ произойдетъ землетрясеніе. На сколько последнее справедливо, — не знаю, но газета будетъ выходить три раза въ недѣлю.... Дай Богъ!

До слѣдующаго раза, благородный читатель!

Нескажуся.

СЛУХИ, ВѢСТИ И ЗАМѢТКИ

Во вторникъ, 11-го октября, въ Артистическомъ клубѣ г-нъ Боборыкинъ читалъ свою новую комедію «Иванъ да Марья», но не подумайте, что обозначая хронологически это событіе, мы придаемъ ему какую либо важность или значеніе: случай сей самый обыкновенный и даже болѣе чѣмъ обыкновенный. Признаемся, мы не поняли красоты этой комедіи и не нашли въ

ней ничего народнаго, хотя претензія на народность видна даже и въ заглавіи, въ имени извѣстнаго народнаго цвѣтка. Отъ комедіи довольно сильно пахнетъ французскими духами.... ужъ не внушилъ ли почтенному автору идеи подобной пьесы Жоржъ-Зандъ? ужъ не писалъ ли онъ ее въ Парижѣ? мѣстность вѣдь имѣетъ большое вліяніе на творчество. Какъ ни радить авторъ своего Ивана (батрака) во всѣ яркіе народныя цвѣта, какъ ни вытанцовываетъ батракъ трепака, все таки не вытанцовывается изъ него русскій мужикъ. Сколько мы помнимъ, это первый опытъ г-на Боборыкина въ народной комедіи и опытъ не совсѣмъ удавшійся, но онъ (г-нъ Боборыкинъ) подаетъ надежды: говорятъ, онъ написалъ еще большую новую драму. Если чтонибудь не въ родѣ «Большихъ Хоромъ», то подавай Богъ. Такимъ образомъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности г-нъ Боборыкинъ подаетъ надежды. Мы слышали, что пьесу эту хотѣла взять для своего бенефиса г-жа Никулина.

Г-нъ Чаевъ написалъ новую народную пьесу «Све-кровь,» вотъ это, говорятъ, дѣйствительно пьеса народная; основой содержанія ея послужила, какъ говорятъ, одна изъ былинъ изъ собранія Рыбникова.... Мы надѣмся слышать ее и подѣлимся нашими впечатлѣніями. Пойдетъ она, какъ предполагается, въ бенефисъ Е. Н. Васильевой.

Вотъ пока доступныя намъ театральныя новости, недоступныхъ вѣроятно не мало, когда онѣ сдѣлаются доступными, мы переведемъ ихъ на листочки вашего журнала.

Что новаго въ литературѣ?

Да что новаго? — воскресаетъ вновь «Московская Газета» и даже намѣрена слово свое объяснить и вразумить изображеніями, ей Богу, посмотрите объясненіе: будетъ издаваться съ политипажамъ.... А если, молъ, газету не читали, такъ по крайней мѣрѣ картинки смотрѣть будете; а если, молъ не мытьемъ, такъ по крайней мѣрѣ катаньемъ.... Ну, что-жь, давай ей Богъ, трудъ рисовальщиковъ и граверовъ поощрять не лишнее: мы всегда, радуемся за подобныя изданія — съ экономической точки зрѣнія.

Про затѣи г-на доктора Хава вы вѣроятно уже слышали: онъ издаетъ «Всемирный Трудъ» съ одними русскими писателями, которые такимъ образомъ, по его мнѣнію замѣнятъ ему міровыхъ.... Какой лестный комплиментъ!

Все это, какъ изволите видѣть, сторона отрицательная — изъ положительной стороны ходятъ слухи про два изданія: — 1) ежедневной газеты, подъ ред. И. С. Аксакова, съ участіемъ многихъ почтенныхъ лицъ изъ

